

ЕКАТЕРИНА СОБОЛЬ

ТАНАТОР

ОПАСНОЕ
НАСЛЕДСТВО

Екатерина Соболев
Опасное наследство
Серия «Танамор», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65404891

Опасное наследство: РОСМЭН; Москва; 2021

ISBN 978-5-353-09759-4

Аннотация

Новая захватывающая история от автора «Дарителей» и «Анимы» Екатерины Соболев!

Лондон, 1837 год. У Джонни Гленгалла – молодого, привлекательного, остроумного – все впереди. В ближайшем будущем он закончит учебу и покорит высший свет и все будут от него в восторге... Возможно, именно так все и случилось бы, да вот незадача: Джонни убили при странных и таинственных обстоятельствах. А потом – при еще более странных обстоятельствах – оживили. Правда, не до конца. И теперь у Джонни всего двое суток на то, чтобы выяснить, кто его убил и как ожить по-настоящему. К счастью, герой не одинок. На помощь ему придут старший брат Бен (на днях признанный сумасшедшим) и чрезвычайно энергичная юная ирландка Молли.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	33
Глава 3	52
Глава 4	74
Глава 5	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Екатерина Соболев

Опасное наследство

© Екатерина Соболев, текст, 2021

© ООО «РОСМЭН», 2021

Глава 1

Новый граф Гленгалл

Великобритания, 1837 год

За неделю до того, как меня убили, жизнь преподнесла мне чудесный сюрприз.

Был мартовский день, ветреный и промозглый. Мы с приятелями играли в теннис во дворе школы, демонстрируя истинную британскую морозостойкость, когда слуга сообщил, что меня вызывают к директору.

– Если это насчет списывания на экзамене по естественным наукам, я не виноват, – воскликнул я погромче, чтобы все слышали: мне море по колено. – Все знают, что в действительно естественных науках вроде тенниса и езды на ло-

шади мне нет равных!

За слугой я пошел под честно заработанный смех одноклассников. Если тебя угораздило родиться младшим сыном небогатого графа, надо трудиться не покладая рук, чтобы наследники громких титулов приняли тебя в свою компанию. Когда я наконец вырвусь из школы, эти знакомства проторят мне дорогу в высший свет. «Джон Гленгалл? Конечно, я его знаю! – скажут мои друзья. – Остроумный и забавный, но с безупречными манерами, истинный джентльмен! Непременно пригласим его на наш роскошный бал, куда, может быть, заедет сам король!»

В кабинете лорда Спенсера я очнулся от фантазий и сделал печальное лицо. Самое скучное, что есть в школе, – это учеба, так что на экзамене я, конечно, списал: очень нужны мне эти естественные науки! Лорд слишком серьезно относится к своей директорской должности и сейчас начнет меня корить, а я буду каяться и уверять, что это больше не повторится. Данная сцена происходила много раз, и на месте директора я бы уже давно себя выгнал, но старик сохранял удивительную, граничащую с помешательством веру, что каждый заслуживает второго шанса. И десятого – тоже.

– Джон, у меня ужасная новость, – начал лорд, выпрямившись в своем огромном кресле.

Ох. Доигрался, выгоняют. И что я скажу отцу?

– Мне написал ваш управляющий мистер Смит. – Он взмахнул конвертом. – Ваш отец умер. Как выяснилось, еще

три месяца назад. Скончался от долгой болезни.

Я похолодел. Мой суровый отец не баловал нас с братом приглашениями на праздники, так что виделись мы от силы раз в год, но... Нет, нет, он не мог умереть. Мы даже не попрощались!

– Мистер Смит пишет, что граф сам просил не сообщать вам и Бену о его смерти, это было последней волей покойного. Поэтому мистер Смит и не прислал приглашение на похороны. Как это грустно! – Лорд всплеснул руками. – Мой бедный мальчик, сочувствую вам всем сердцем.

Слова долетали до меня словно издалека. Я всю жизнь подозревал, что человек, сославший детей в пансион столь далеко от дома, не очень-то их любит, но нежелание видеть их даже на собственных похоронах – настоящее злодейство. Я поглубже вдохнул, чтобы не выдать своих чувств. На людях я никогда не плакал, это портит репутацию.

– Но это еще не все, – трагическим голосом продолжил директор. Я мысленно взвыл, затрудняясь даже представить, каким может быть продолжение. – Бену, вашему брату, мистер Смит был вынужден сообщить о кончине отца сразу после похорон, так как Бенджамин должен был принять титул графа и обязанности по управлению поместьем.

– И он тоже умер?! – хрипло спросил я.

Бен завершил учебу прошлой весной и вернулся в Лондон. С тех пор я его не видел. В глубине души я надеялся, что он хоть раз заедет меня проведать, но куда там.

– Нет конечно! – Лорд протестуяще замахал руками. – Он жив и... Впрочем, не совсем здоров. В этом и беда. Бен вступил во владение наследством, и, как мне пишут, сразу же начались странности. Он тратил огромные деньги, не признаваясь, на что, – то есть, видимо, на что-то весьма неприглядное, – не желал заниматься делами поместья, целыми днями прятался в подвале, куда никому не разрешал входить, и в довершение всего едва не сжег дом. На этом терпение управляющего иссякло, и он добился признания Бенджамина душевнобольным.

Я вытаращил глаза. Мы с лордом оба знали, как все это не похоже на Бена, – невыносимый умник проучился тут десять лет и был гордостью школы. В естественных и прочих науках, совершенно не нужных аристократу, ему не было равных, а если у него имелись странности, то заключались они в нелюбви к теннису, конным прогулкам, дружеским посиделкам и всем интересным занятиям на свете. Но поджечь дом?!

– И где он сейчас? – выдавил я. – Они же не... не поместили его в какую-нибудь ужасную лечебницу?

– Собирались, но не поймали, – с тихой гордостью ответил лорд. В Бене он души не чаял – похоже, тот был единственной причиной, по которой я все еще тут учился. Лорд не терял надежды, что способности брата дремлют и во мне, просто очень, очень глубоко. – Он сбежал и где-то скрывается вторую неделю. Мистер Смит пишет, что дела поместья слишком запущены, поэтому он прибег к последнему сред-

ству: вызывает вас.

– Чтобы я отыскал Бена? Вы сами знаете, он невысокого мнения о моих умственных способностях. Найти убежище этого великого ума современности у меня не хватит мозгов.

– Управляющий просит не этого, – мягко сказал лорд, пропустив мимо ушей мою фамильярность. – Он хочет, чтобы вы приняли на себя титул и обязанности брата, поскольку он на это не способен. Вы – новый граф Гленгалл.

Рот у меня невольно приоткрылся. События принимали сногсшибательный оборот. Младшему сыну обычно рассчитывать не на что – и вдруг судьба делает мне такой подарок!

– Готов, – прохрипел я.

– Ох, вы еще так юны, Джон! Как же несправедливо, что вам придется прервать обучение и взвалить на себя такую ношу. Но поместье само собой управлять не может, и ваш долг – подхватить это падающее знамя. От вас будут зависеть судьбы многих людей, а смысл жизни... – Тут его взор предсказуемо обратился к гербу школы, висящему над его столом. Латинскую надпись на нем он сам же и выбрал, потому что сам нашу школу зачем-то и основал. *Aliis inserviando consumor* – «Служа другим, расточаю себя», – а сверху нарисована свеча, символ самопожертвования.

Я чуть было не скорчил гримасу, которая показала бы, что я думаю об унылом служении другим, но в последний момент удержался. Бедняга, видимо, правда верил в эти высокопарные слова, если предпочитал управлять кучкой учи-

телей и сотней непослушных сынков аристократов со всей страны, хотя при своих деньгах и положении в обществе мог бы жить припеваючи. Ну, я его ошибки повторять не собирался!

Лорд подождал, пока я что-нибудь скажу, но я так боялся выдать свою радость, что молчал. Он вздохнул и поднялся из-за стола.

– Отец гордился бы вашей самоотверженностью. Ну что ж, дело не терпит отлагательств. Идите собираться, вы сегодня же отправляетесь в Лондон выручать родное поместье. Я одолжу вам свой личный экипаж.

Я встал, всем своим видом показывая, как раздавлен свалившимися на меня обязанностями. Похоже, даже переиграл – директор вдруг подошел ко мне и порывисто взял за плечи.

– Вы хороший мальчик, Джон, – с нежностью, которой я совершенно не заслужил, проговорил он. – Вы справитесь. Надеюсь, школьные знания пригодятся вам в новой жизни.

«Очень в этом сомневаюсь», – подумал я, а вслух сказал:

– Благодарю, сэр. Уверен, что пригодятся.

* * *

После шести часов тряски в экипаже я вошел в фамильный особняк. Слуги из школы, которые сопровождали меня на запятках экипажа, бросились отвязывать мой багаж, а я со скорбным видом приветствовал собственных слуг, выстро-

ившихся в передней. Из этой семерки древних старцев я знал только дворецкого Маккеллана – остальные сменились за годы, что я провел в пансионе. «Не мог отец нанять кого-нибудь помоложе?» – подумал я и тут же затолкал эти мысли подальше, как и любые мысли об отце.

В доме моего детства все было по-прежнему: тоскливо и темно, словно отец экономил свечи, как нищий. Я едва успел принять ванну и переодеться, когда явился управляющий с дружной компанией поверенных и адвокатов. Мы поведали друг другу, как нам жаль, что все так складывается, и с облегчением подписали бумаги, согласно которым мне передавались титул, обязанности и капиталы отца. Конечно, мне было всего семнадцать, и до совершеннолетия я должен был управлять под присмотром всех присутствующих лиц, – этот пункт их особенно бодрил. А меня повеселило врачебное заключение о недееспособности моего брата. Оно точно было написано человеком, который Бена в глаза не видел: «Сознание затуманено, взгляд горящий, речь бессвязная». Никогда в это не поверю! Кажется, все мои гости были в курсе, что заключение поддельное, и напряглись, когда я взял его в руки, а потом вздохнули с облегчением, когда я сунул его под остальные бумаги. Я получил все, о чем мечтал, и не собирался отказываться.

– Как вы знаете, вашему отцу за военные заслуги пожаловали не только титул и городской особняк, но и земли в Ирландии, – занудно пояснил мистер Смит. – Вот тут все о

делах ирландского поместья. Желаете изучить?

Я оценил толщину подвинутой ко мне папки и быстро отодвинул ее.

– Нет, пусть все будет так же, как при отце. Мне ведь выделяют деньги на текущие расходы? Я хотел бы пошить новый гардероб.

Мы распрощались, взаимно довольные друг другом, и несколько дней я провел в приятных заботах. Позволял портному снимать с себя мерки, ел вдоволь, бродил по своему новообретенному царству. Мистер Смит, безропотно оплативший огромные чеки от портного, предложил съездить в Ирландию и осмотреть земли, теперь принадлежавшие мне. Я от этой чести вежливо отказался: зачем мне эта нищая холодная земля, когда я впервые за десять лет оказался в Лондоне, центре всех красот и удовольствий?

И особняк в Лондоне, и уголья в Ирландии отец получил за то, что он, собственно, эту Ирландию и захватил. Не сам, конечно, – вместе с товарищами, которых тоже щедро вознаградили за то, что непокорный остров, пусть и не весь, наконец-то стал частью Соединенного Королевства. Лондонский дом отец обставил так, чтобы он своим унынием соответствовал завоеваниям, за которые был подарен: темные обои, старомодная мебель, куча мрачных безделушек, притащенных из военных походов. О, что вы можете знать о декоре, если не видели скульптуру «Умиравший олень» или гобелен «Грустный крылатый лев держит в зубах человека»!

Я не собирался в ближайшее время выходить в свет, чтобы там не решили, будто я не соблюдаю траур по отцу, поэтому день-деньской бродил по комнатам и фантазировал, как все тут обновлю и буду приглашать гостей. Что отец, что Бен светской жизни не понимали, а я собирался насладиться ею на всю катушку.

Бен, кстати, так и не появился. Я втайне мечтал, что он влезет в окно и скажет: «Джонни, мы теперь одни против всех! Здорово, что ты взял на себя все эти скучные обязанности, а мне просто дай немного денег, а?» Я поселил бы его в какой-нибудь дальней комнате, и там он занимался бы своими научными трудами, а слугам я сказал бы, что это не Бен, а его призрак. Но он, похоже, не собирался довериться своему глупому братцу.

«Ну и ладно, – с обидой думал я, поглощая хлеб с вареным прямо в кровати. – Не очень-то и хотелось!»

День, когда меня убили, начался прекрасно и уж точно не предвещал такого финала. Хотя птица, которая разбудила меня ни свет ни заря, глухо ударившись о стекло, может, на что-то и намекала. Но если кто-то наверху собирался меня таким образом предостеречь, надо было им высказаться яснее. Подошло бы что-то вроде сияющей надписи в воздухе: «Дорогой Джон, оставайся в постели, а то тебе крышка». А так я намека не понял, только подумал: «Вот распоясались эти птицы! Мало того, что орут в саду по утрам, так еще и в окна ломаются». Зарылся щекой в подушку и уснул снова.

А вот второе пробуждение получилось лучше некуда.

– Сэр, вам записка, – произнес у меня над ухом бархатный голос старика Маккеллана. – Простите, что бужу, но у меня сложилось впечатление, что вы захотите...

Я сел так резко, что чуть не треснулся лбом о беднягу Маккеллана. Боюсь, он мог бы этого не пережить, поскольку достиг той степени древности, когда кажется, что человек развалится, если на него чихнуть.

– Не тяни, – нетерпеливо простонал я. – От кого?

– Я ее, конечно, не читал, это было бы непозволительной дерзостью, – степенно ответил Маккеллан, протягивая мне карточку. – Но, осмелюсь намекнуть, вам будет приятно ее прочесть.

Я схватил записку, как дети хватают рождественские подарки. Картон был такой белоснежный, что глаза слепил. На лицевой стороне было отпечатано (на печатном станке, вот это роскошь!): «Гарольд Батлер, первый граф Ньютаун», а на обратной от руки было выведено:

Дорогой Джон,

Как вы знаете, я был сослуживцем и другом вашего отца – можете себе представить, как опечалило меня известие о его смерти. Также я слышал и о печальной ситуации с вашим братом.

После вступления в права у вас, конечно, немало дел, и все же осмелюсь пригласить вас сегодня вечером на небольшой дружеский прием. Я понимаю, что скорбь по отцу разрывает вам сердце, но, думаю, будет полезно

на несколько часов забыть о горе, вы ведь еще так молоды. Прошу, приходите, – если не ради веселья, то в память о моей дружбе с вашим покойным отцом.

Я издал какой-то глупый вопль и рухнул обратно на кровать, победно воздев карточку над головой. Так долго ломал голову, как бы мне выйти в свет, не показавшись легкомысленным, а граф преподнес мне эту возможность на блюдечке.

Старик Маккеллан учтиво склонился надо мной. От улыбки вся кожа на его лице сложилась морщинками, как мятая ткань. С ним можно было не притворяться – он знал меня с детства, видел насквозь и в отличие от отца прощал любые шалости.

– Прикажете подготовить наряд?

– Прикажу подготовить все наряды! – радостно взревел я и, выбравшись из постели, бросился умываться. – Выберу позже! Мне нужно больше горячей воды! Трость еще не доставили? А мне надо ответить на записку или это необязательно?

– Ваш отец не ответил бы.

– Кто бы сомневался, – фыркнул я, лихорадочно намыливая щеки. На них, если честно, очень мало что росло, но прийти на вечеринку свежевыбритым – это такой шик! – Он хоть куда-нибудь в последние годы ходил?

– Светских развлечений он, по обыкновению, сторонился. – Маккеллан мягко забрал у меня бритву и начал брить сам. – Так что только по делам.

Рот открыть теперь было страшно – бритва пугающе сияла, а кто знает, насколько твердая у мистера Маккеллана рука.

– Пкаким это?! – все-таки спросил я, едва шевеля губами.

– По скучным.

Вдаваться в подробности скучных дел отца мне не хотелось, и я заговорил о том, что занимало все мои мысли.

– Вот ты уже длго жвешь, – промычал я, стараясь поменьше двигать ртом. – Как мне пнравиться всем на этм вечере?

– Просто будьте собой, не притворяйтесь никем, – невозможно ответил мистер Маккеллан, ловко водя бритвой. – В глубине души вы славный и добрый юноша. Покажите, какой вы на самом деле, и вас полюбят, вот увидите.

Я тяжело вздохнул. Сразу стало ясно, что Маккеллан в высшем свете не бывал. Быть собой – худший способ чего-либо добиться, вот что я узнал за десять лет в пансионе. Быть собой – значит показать свои слабые стороны и отдать себя на милость всех вокруг, а уж они обязательно над тобой посмеются. Нет уж, это не для меня.

– Что предпочитаете на завтрак в такой важный день? – добродушно спросил Маккеллан, оторвав меня от размышлений.

Вскоре я уже сидел в столовой и набивал рот хрустящей булкой с маслом и ветчиной, отдавая распоряжения направо и налево. На столе чего только не было: сливки, жареный бекон, яйца-пашот, джем – апельсиновый, клубничный,

лимонный! Слуги подливали мне свежего чаю по первому знаку, и я чувствовал себя самым счастливым человеком во всем городе.

– А почему цветы такие мрачные? – спросил я, кивнув на чахлый букетик зелено-красных листьев в центре стола.

Моя мама обожала растения, и когда-то, еще до моего рождения, отец построил для нее оранжерею. Это воспоминание всегда было со мной: яркие цветы в душистой и влажной стеклянной пристройке, пыльца, осыпающаяся на одежду. Я нюхал цветы и чихал, а мама смеялась и оттирала меня от сладкой желтой пыльцы. Когда она умерла, нас с Беном тут же выставили в пансион, так что дальнейшая судьба оранжереи была мне неизвестна. В редкие приезды домой мы с Беном старались помалкивать и просто пережить эти мучительные визиты. Отец был мрачен и замкнут, ни о чем нас не расспрашивал и часто поглядывал на часы, ожидая, когда мы уедем обратно. Если вам не доводилось проводить время со своим родителем в столь невыносимой обстановке, вы много потеряли: отлично закаляет характер, после этого никакие невзгоды вас уже не проймут.

Сейчас, глядя на букет, я понял, что мамина оранжерея, судя по всему, выжила. На улице был март, еще снег не везде сошел, а у нас посреди стола зелень, хоть и весьма сомнительной красоты.

– Это не цветы, – пояснил Маккеллан. – Это салат мангольд. Позже мы подадим его на обед. Оранжерея долго сто-

яла заброшенной, а потом ваш отец увлекся выращиванием сельскохозяйственных культур. Свежие овощи круглый год!

– Зачем ему это? – буркнул я. Мне стало как-то тяжело от того, что я понятия не имел об отцовских увлечениях. – Мы же не бедняки, мог бы просто купить, что захочет.

Маккеллан таинственно хмыкнул, и я решил не расспрашивать – молча доел и пошел примерять одежду.

Я так устал и переволновался из-за подготовки к званому ужину, что всю вторую половину дня валялся в постели и, чтобы не оплошать вечером, листал модные журналы для джентльменов, которые тайно закупил для меня Маккеллан. Раздел шуток я даже наизусть выучил – пригодится, чтобы пленять дам и заводить друзей.

В комнатах слуг слышалась какая-то возня, но я не обратил на нее внимания. Куда больше меня занимало, какой шейный платок надеть к модному сюртуку с длинными фалдами, который доставили утром.

Когда я спустился к обеду, все выглядели притихшими. Запеченную рыбу со знакомым салатом мангольд подавал какой-то из стариков, остальные выстроились вдоль стен. Я огляделся.

– А где Маккеллан? У камина дремлет?

– Увы, нет, сэр. – Голос у старика дрогнул. – Он... Он умер. Мне жаль.

У меня мороз пробежал по коже. Ну нет. Не может быть. Это уж слишком.

– Не врите, я его только утром видел! Говорите, куда он делся! Он мне нужен.

– Смерть забирает даже тех, кто нужен, сэр, – уныло проговорил другой старец, явно размышляя о том, что к нему эта гостья тоже может явиться в любое время. – У нее на всех свои планы.

– Ой, да избавьте меня от этого брюзжания! – Я задышал глубже, пытаюсь успокоиться. Судя по их подавленным лицам, они не шутили. – Что случилось?!

– Он шел на кухню, оступился и упал с лестницы. Там такое плохое освещение! Наверное, ударился головой. Мы прибежали на звук, а он уже...

– Отведите меня к нему, – приказал я.

Старцы смущенно повели меня на нижний этаж – помимо кухни, там был коридор с дверьми в жилые комнатухи. В одной из них на застеленной узкой постели лежал Маккеллан – бледный, с закрытыми глазами. Он казался бы спящим, если бы не сведенные, будто заледеневшие руки, сложенные на животе. У меня сжалось сердце.

– Мы хотели бы обратиться к вам с просьбой, – сказал кто-то из старцев у меня за спиной. – Мистер Маккеллан всю жизнь посвятил благородному служению вашей семье, родственников у него нет. Ваш отец всегда устраивал слугам очень достойные похороны на кладбище Сент-Николас. Заказывал изысканное надгробие по собственному эскизу, всегда новому, произносил речь, возлагал цветы.

Я задохнулся от обиды. Значит, на эскизы надгробий для слуг у отца время было, а на то, чтобы пригласить сыновей на каникулы или написать им хоть одно письмо, – нет, извините. Деньги на карманные расходы он нам тоже выделял скудно, я всегда казался бедняком на фоне своих богатых друзей. Кладбище Сент-Николас я помнил с детства, там была похоронена наша мать. Старинное и прекрасное, одно из лучших в городе. Кто в своем уме будет покупать там за баснословные деньги место для слуги?

– Мы понимаем, вы сами еще не распорядитесь капиталом, но не могли бы вы попросить управляющего выделить средства на похороны мистера Маккеллана? Запасное место на кладбище Сент-Николас уже куплено, ваш отец говорил об этом, а подходящий эскиз надгробия, уверен, найдется среди его бумаг – на досуге он часто их рисовал.

Рисовал надгробия на досуге. Прелестно.

– Я не буду обращаться к мистеру Смиту с такой просьбой, – выдавил я. – Причуды моего отца – его дело, а я...

«...Хочу в глазах этого достойного джентльмена выглядеть здоровым человеком с понятными запросами вроде гардероба или нового экипажа, а не сумасшедшим, которых в нашей семье, похоже, и так предостаточно», – подумал я, а вслух сказал:

– Закажите для мистера Маккеллана обычное надгробие на его сбережения. Уверен, они у него имеются – где-то же он хранил то, что зарабатывал.

– Слушаюсь. Но вы ведь возьмете на себя руководство церемонией? – прошептал один из стариков, кажется, искренне задетый моим ответом. – Нужно распорядиться насчет цветов и музыки, произнести речь и...

Я замотал головой, глядя на Маккеллана. Меня пугало его бледное, пустое лицо. Словно дух спокойно выскользнул из потрепанного временем тела и куда-то отправился, оставив бранные останки позади. Маккеллану уже не помочь, так какая разница, под каким камнем он найдет последний приют и кто произнесет ничего не значащие слова? Я повернулся к двери, и старики расступились в тесной комнате, пропуская меня.

– Полагаю, ваш отец был так щедр из-за репутации вашего дома, – внезапно сказал низкорослый старичок в заднем ряду.

Ну это просто смешно! Репутация нашего дома была мне прекрасно известна, – когда я был мал, слуги вечно сплетничали, что под этой крышей слишком часто кто-то умирает. Моя мать покинула нас давным-давно, нескольких слуг мы лишились из-за глупых случайностей, а у нас с Беном часто умирали собаки, которых отец в конце концов перестал заводить, – но это же просто стечение обстоятельств! В любом доме кто-нибудь время от времени умирает, такова печальная правда жизни, хоть мы и живем в прогрессивном девятнадцатом веке. Мою маму забрала тяжелая простуда, слуги были старыми и вечно оступались на древних скрипу-

чих лестницах, а что до собак, так все знают: собаки долго не живут. То под экипаж попадут, то лошадь наступит, то заболеют чем-то. Это же не значит, что наш дом проклят, как твердили эти остолопы!

А теперь, видите ли, выяснилось, что мой отец – здраво-мыслящий человек, бывший военный! – тоже в это верил и заглаживал вину пышными прощальными церемониями. Мне хотелось заорать и что-нибудь разбить, а потом лечь и немного поплакать. Чтобы никто не прочел этих намерений на моем лице, я молча двинулся к двери.

– Сам оденусь, – отрезал я, когда печальные старцы шагнули было за мной.

Торжество, на которое пригласил меня граф Ньютаун, самый богатый из знакомых отца, больше не радовало. Еще час я метался по спальне и гардеробной, как зверь по клетке. Надевал и стаскивал наряды, случайно порвал рукав рубашки, завалил весь пол в комнате сюртуками и брюками, но так и не дернул за бархатный шнур звонка, чтобы вызвать помощь. Моим камеристом был назначен Аллен, унылый старец с ледяными руками, так что всю неделю одевал меня Маккеллан, хоть это в его обязанности и не входило. А теперь он... я в ярости отшвырнул очередной сюртук. Отныне придется довольствоваться остальными слугами, мрачными и немощными.

И тут я замер. Я же – граф Гленгалл, моя воля – закон, и если они мне не нравятся, то я могу... Я распахнул дверь, не

зная, как еще выразить свой гнев, и заорал в пространство:

– Вы все уволены! Не хочу, чтобы еще кто-то помер на работе! Найму молодых!

И, громко захлопнув дверь, упал на кровать. Я ждал, что они сейчас прибегут заверять меня в преданности, но никто не явился. Так я и лежал, пылая от обиды на весь белый свет, пока солнце за окнами, и так скупое, не погасло окончательно.

Я вытащил из кармана золотые часы, которые мне вручил Маккеллан, как только мистер Смит при всех провозгласил меня новым хозяином особняка. Это были часы моего отца, в которые тот с непонятной сентиментальностью вставил свой портрет, видимо, чтобы наследник мог полюбоваться наброском его замкнутого, неласкового лица в любое время. Я старался открывать их пореже, но сейчас они немилосердно дали понять, что уже пять часов и пора бы все-таки одеться. Осмотрев свою комнату, напоминающую поле битвы, я поборол желание вызвать старцев, чтобы они прибрались и одели меня, и храбро приступил к этой задаче сам: в пансионе справлялся, справлюсь и тут.

Воротничок поднять, зеленый жилет застегнуть на мелкие пуговицы. Затем брюки, сюртук, цилиндр, сверху – пальто, так выгодно подчеркивающее талию. Наряд скромный, но изящный, – нельзя одеваться слишком крикливо во время траура.

Особенно я гордился тем, как щегольски завязал платок, –

и без всякой помощи! В пансионе учителя туго обертывали шейные платки вокруг шеи, но в журнале я увидел моду невероятной красоты – платок, небрежно завязанный свободным бантом. Я полюбовался своим отражением в зеркале, ненадолго забыв обо всех тревогах. Портной постарался на славу – все сидело идеально по фигуре и повторяло ту картинку из журнала, которая мне особенно понравилась. Я сравнил себя с ней и остался доволен. Лондон будет у моих ног!

Настроение у меня исправилось, так что я был вполне готов к сцене великодушного прощения слуг. Чувства всегда надо сдерживать, а я дал им волю и уже пожалел об этом. Слуги, услышав, что я спускаюсь, выстроились на первом этаже. Ишь как испугались, что я их выгоню! Я приосанился. Это будет мое первое деяние как милостивого хозяина.

– Вы всерьез говорили об увольнении, сэр? – учтиво спросил тот, что прислуживал мне за обедом: видимо, он теперь был за старшего.

Я всем своим видом показал, что дам себя уговорить, но слуга с подозрительной настойчивостью ждал, и пришлось ответить вслух:

– Готов проявить великодушие и дать вам еще один шанс. Надеюсь, впредь я буду больше доволен вашей службой.

Старики переглянулись, потом тот, что говорил за всех, выдал:

– Вы не совсем поняли нас, сэр. Если вы серьезно насчет

увольнения, то мы не возражаем. Вы сказали, что отпускаете нас, и мы, посоветовавшись, поняли, что готовы оставить службу и удалиться по домам, пока мы тоже не...

Я прищурился. О, так вот в чем дело.

– Тоже не что? С лестницы не упали? Такое в любом доме может произойти! – Я был возмущен тем, что моя щедрость их не впечатлила. – Да куда вам идти, вы же не найдете новое место! Побираться будете?

– Нет, мы прилично скопили. – Он быстро глянул на своих товарищей. – Ваш отец платил нам щедро, по шестьдесят фунтов в год. Можете о нас не волноваться, сэр. Мы вернемся к своим семьям и не будем им обузой.

Я вытаращил глаза. Шестьдесят фунтов?! Я мало что понимал в расценках на слуг, но в школу отец посылал мне на расходы двадцать фунтов в год. На эти деньги я ухитрялся заказывать себе новую одежду, нанимать экипаж для поездок на редкие сельские балы, да еще и время от времени совать монетку работникам столовой, чтобы клали мне куски повкуснее. Я посчитал разницу между расходами отца на мое содержание и на содержание семи немощных слуг – и пришел в ужас.

– Да за шестьдесят фунтов можно слуг нашего короля нанять! – взвыл я.

– Возможно, но ваш отец сам выбирал. Он подробно беседовал с каждым кандидатом на место слуги в своем доме. Брал только тех, кто старше семидесяти лет, и щедро платил.

Так вы примете нашу отставку?

И он поклонился с самым непреклонным видом. Заговор стариков! Я вздернул подбородок. Ну и пожалуйста. Тоже мне, потеря!

– Не буду вас задерживать. Я наберу новых – тех, кто будет соответствовать моему обновленному дому. Можете отправляться на все четыре стороны прямо сейчас.

С этими словами я вышел из дома, блистательно оставив последнее слово за собой.

Снаружи был нерадостный, тусклый вечер. Солнце давно зашло, темноту подсвечивали только дальние огни газовых фонарей. Я прошел через собственный темный сад и вышел на улицу. Понял, что забыл трость, но вернуться за ней было бы унижительно, и я мрачно побрел вперед. Прогуляюсь, чтобы успокоиться. Дорогу к особняку графа Ньютауна я помнил с детства, он был самым огромным в квартале.

Передо мной тут же лихо остановился экипаж, при виде которого у меня волосы встали дыбом, едва не приподняв над головой цилиндр. Это была грязная старая телега, правил которой грязный – хоть и не старый – ирландец. Видимо, он пытался придать своей таратайке сходство с настоящим экипажем: сколотил что-то вроде навеса, на который натянул старую ткань, и поставил внутри четыре обитые тканью скамейки. Четыре! Кого он собрался перевозить? Теннисную команду?

– Здравсьте, – сказал нелепый возница и почесал свою ры-

жую шевелюру, едва не уронив отвратительно грязный картуз. – Куда пожелаете?

– С вами – никуда, – ответил я, ускорив шаг.

– Вы не смотрите так, у меня чисто. Домчу, как ветер! Всего два пенса, другие втридорога берут.

Я гневно остановился, подозревая, что, если не отшить его, он не отстанет.

– Никогда в жизни я не сяду к такому, как вы, – отрезал я. – И не вздумайте шататься по нашему кварталу, а то вызову полицию. Проваливайте.

– Зачем так грубо? Ехать не хотите, так и сказали бы: «Нет, спасибочко», – оскорбился возница. – Я закон не нарушаю, и человек я – ничуть не хуже вас!

– Это весьма сомнительно, – ледяным тоном ответил я.

Несколько секунд он смотрел на меня, но битву я выиграл: он отвел взгляд, пробормотал пару таких словечек, каких я и в пансионе не слышал, и подстегнул лошадь. Я раздраженно выдохнул. Мой отец и его товарищи героически присоединили к нашему королевству нищую Ирландию, и вот награда: куча грязных наглецов еще в моем детстве наводнила город в поисках наживы. Я ускорил шаг. Вот таких слуг можно было бы за гроши нанять хоть сто человек, но кому они нужны? Воры и лентяи.

Но не прошло и пяти минут, как я обнаружил, что кто-то их все же нанимает, и когда я понял, кто именно, моему изумлению не было предела.

В этом квартале когда-то пожаловали землю сразу нескольким героям войны с Ирландией. Среди них были мой отец и двое его сослуживцев, с которыми он прошел всю войну: великолепный граф Ньютаун и затворник граф Роз. Особняк последнего мы с Беном в детстве называли цветочным домом, и не только из-за фамилии владельца. Летом этот белоснежный особняк всегда утопал в цветах, и мама водила нас на чай к жене графа, леди Бланш. Мы с Беном играли у камина, а дамы обсуждали хитрости садоводства.

Сейчас сад за кованой решеткой был голым, как и положено в марте, но в нем уже кипела работа. Работу осуществляла девушка самого простого и непритязательного вида, какой только можно себе представить. Такая замарашка в любимом саду моего детства! Она была в мужском шерстяном пальто, из-под которого торчал подол серого платья, и огромных сапожищах. Волосы, подколотые под старой шляпой, выбились и налипли на щеки. Она орудовала лопатой, крепко сжав ее красными от холода руками. Лицо мне разглядеть не удалось – фонари стояли вдоль улицы, в саду тьму разгонял только развороченный снег, грязный от перекопанной земли.

Я решил было, что девушка собралась ограбить дом, но сообразил, что в таком случае она вряд ли решила бы заодно изрыть длинными канавками весь сад. Может, она ищет сокровища, чтобы их похитить? Я остановился и решил строго в этом разобраться.

– Файонн помер, после ожил, – неблагозвучно распевала она с чудовищным ирландским акцентом, иногда сдувая с лица пряди волос. – Спать спокойно он не может!

– Эй, ты! – сурово начал я, когда понял, что внимания на меня не обратят.

– Эт вы мне?

При ближайшем рассмотрении она оказалась совсем молодой, вряд ли старше меня.

– Чего вылупились? – Девушка смерила меня презрительным взглядом, с трудом распрямляя затекшую спину.

Я ее ирландского говора не разобрал – вылупиться могут разве что цыплята.

– Ты здесь работаешь?

– А незаметно?

– Я – граф Гленгалл, владею одним из соседних домов, – пояснил я, решив, что в силу своего скудоумия она просто не поняла, с каких вершин социальной лестницы я к ней снизошел. – Мой отец служил вместе с графом Роузом, хозяином дома. Как поживает граф?

– Ой, да уже никак. Помер. Давно, я тут еще не работала.

– Жаль слышать. Кто же владеет домом теперь?

– Да вдова его, леди Бланш. Хозяйка моя.

Я чуть не расхохотался. Леди Бланш времен моего детства была блистательной и прекрасной, как сказочная фея. Она никогда бы не наняла такое чучело работать в своем драгоценном саду.

– Как-нибудь зайду с визитом, узнаю, как у нее дела, – бросил я, будто наносить визиты для меня – привычное дело.

– Не примет вас, – покачала головой садовница. – Она никого не принимает.

– Отчего же?

Садовница шагнула ближе, таща за собой лопату, и я отпрянул от решетки – не хватало какими-нибудь вшами от нее заразиться.

– Она это... головой нездорова. И муж ее покойный был такой же. В общем, вы ее лучше не беспокойте.

– Леди Бланш ударилась головой? – не понял я, и садовница закатила глаза.

– Да нет же! Ну, рехнулась слегка. Но она не буйная, ничего такого. Славная женщина. Ладно, мистер, пойду дальше работать – участок тут холмистый, надо его к посадкам готовить. Вот, видите, канавки для талой воды копаю. – Она помолчала, беззастенчиво разглядывая меня с головы до ног. – Ого, какой вы нарядный джентльмен. Куда идете?

Я опешил от такой наглости, но показать это было зазорно, поэтому я невозмутимо ответил:

– На вечер к графу Ньютауну. Знаешь его?

– Угу, лучший мой приятель. Пьем с ним пиво по пятницам.

– Это шутка? – уточнил я, после новостей о леди Бланш готовый ко всему.

– Хорошо вам повеселиться, – фыркнула она. – Не думай-

те, кстати, что я тут целыми днями копаюсь. У меня тоже планы на вечер есть.

«Мне-то что», – хотел было сказать я, но вместо этого решил поставить ее на место своим остроумием.

– И какие же? Чистка серебра? Потрошение рыбы? Удачи, милочка.

– «Милочка»?! Где вы откопали такое стариковское словечко? Копать тут умею только я! – Она победно вскинула над головой лопату. – Ладно, перехожу к другой половине сада. Кому-то ведь нужно работать, чтобы леди и джентльменам было где гулять.

И она ушла с лопатой под мышкой, не дав мне оставить последнее слово за собой. Кричать вслед было недостойно аристократа, оставалось молча созерцать ее несуразную удаляющуюся фигуру и утешать себя мыслями, что таких слуг мне не надо и даром.

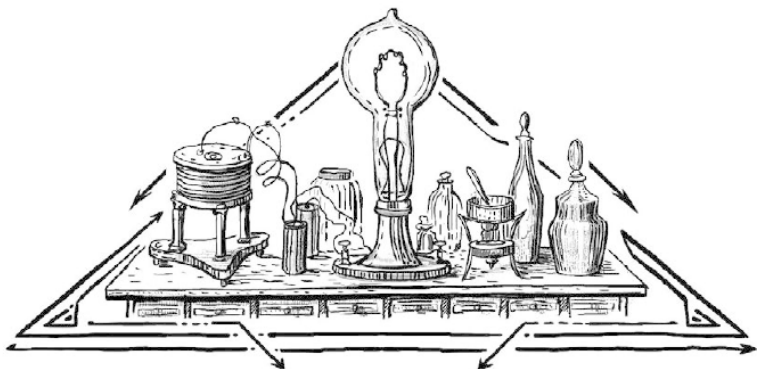
Вот о такой ерунде я тогда думал, а мне ведь оставалось жить меньше суток. Но позвольте сказать: хоть жизнь и обошлась со мной несправедливо, я сам навлек на себя бедствия. Из всего, что я наговорил в тот день разным людям, одна фраза оказалась – в буквальном смысле – смертельной.

Так ведь бывает и в сказках. Чтобы волки съели козленка, он сам должен открыть им дверь.

Глава 2

Свет и зеркала

Особняк графа Ньютауна поражал воображение. Газовые фонари все еще были диковинкой даже на городских улицах, и я ни разу не видел, чтобы их использовали для домашнего освещения. А здесь фонари тянулись вдоль подъездной аллеи, обрамляли сад, окружали дом. Ну почему сослуживцы отца живут настолько богаче его?! Может, он был тайным картежником?

Я вздохнул и торопливо пошел к дому. Экипажи въезжали в распахнутые ворота один за другим, я даже смутился, что пришел пешком. Через высокие французские окна вид-

но было, что внутри все сияет, – неужели граф ухитрился провести газовое освещение внутрь дома? Как бы все тут на воздух не взлетело!

Но эта опасность придавала чувствам остроту, дом манил, как волшебная шкатулка, полная чудес. Я так разволновался, что взмок и покраснел, – пришлось немного постоять, прежде чем войти.

И тут я столкнулся с неожиданной преградой. На сельских балах, куда нас возили из пансиона, правило было простое: любой, кто одет как леди или джентльмен, – милости просим. В Динхилле аристократов было немного, и даже мы, желторотые птенцы, высланные своими благородными семействами в глушь, считались дорогими гостями. А тут меня вдруг остановил привратник:

– Добрый вечер, сэр.

Я снисходительно кивнул и собирался пройти мимо, но он заступил мне дорогу.

– Разрешите увидеть ваше приглашение.

Я посмотрел на него так, чтобы отбить желание обращаться ко мне с подобными требованиями. Привратник даже бровью не повел.

– Приглашение, сэр.

В дом зашла роскошная пара, у которой он ничего не спросил, но, похоже, для новичков правила были особые. Очевидно, надо было взять с собой карточку, которую прислал граф, а мне это даже в голову не пришло. Ну ничего.

Умение убеждать – моя сильная сторона.

– Какая досада! – Я приосанился. – Забыл приглашение дома.

– Тогда я не могу впустить вас, сэр, – последовал безучастный ответ.

В своем шитом серебром наряде привратник казался внушительным и холодным, как льдина. Вот это слуга! Такому не жалко платить. Я вытянул шею – хозяйева бала всегда держатся недалеко от входа, чтобы приветствовать гостей. Пусть граф скажет своему церберу, что действительно пригласил меня. Вот только хозяина нигде было не видно.

Я попытался сунуть привратнику пятипенсовую монету. Он непонимающе глянул на мою руку и не взял. Кто-нибудь другой на моем месте признал бы поражение, но меня не так просто выбить из седла.

– Послушайте, – льстиво начал я. – Я не смутьян. Просто молодой аристократ, недавно в Лондоне, унаследовал титул отца. Граф служил с ним вместе лет тридцать назад, они были вместе в командовании пятого ирландского полка.

Я нащупал в кармане фунт и незаметно опустил монету в карман ливреи. На этот раз привратник ее не отверг, видимо, по весу ощутив щедрость подношения.

– Приглашение у меня действительно есть, очень сердечное и теплое, но возвращаться за ним на глазах у всех так неловко! Я вижу, здесь собрался цвет общества, и, поверьте, я компанию не испорчу. Ваша работа ведь в этом: отсеи-

вать недостойных. Но я достоин, и я никогда не забуду вашей услуги, дорогой... Как вас зовут?

– Роджер.

– Дорогой Роджер. – Я улыбнулся ему, как равному. На Роджера это произвело впечатление. – Вы увидите, я буду часто тут появляться. И разве не прекрасно, что мы при этом будем добрыми друзьями?

Я глянул на его карман, намекая, что подарок был не последним. Роджер сделал небольшой шагок в сторону, я благодарно прижал руку к груди и вошел, стараясь не слишком явно сиять от радости.

Поприветствовать хозяина, как это положено, оказалось непросто: его нигде не было. Издалека доносилась музыка, в холле люди в потрясающих нарядах болтали, смеялись и сбрасывали на руки слугам верхнюю одежду. Я со сладким ужасом понял, что «небольшой дружеский прием», обещанный графом, – это самый великолепный бал, на каком мне доводилось присутствовать. Будь настроение у меня действительно траурным, я бы смутился при виде такого пышного веселья, но я вполне готов был всех покорить и отправился бродить по залам. Их оказалось немало: в уютных гостиных люди сидели на диванчиках, сверкая ожерельями и булавками для шейных платков, в укромных альковах – играли в карты, тут и там кто-нибудь пел и играл на пианино, а дойдя до бального зала, я был потрясен его великолепными зеркальными стенами. Танцующих пар было не меньше

трех десятков – здесь, похоже, и правда собрался весь цвет Лондона.

Я не сомневался, что, оказавшись в доме, найду способ завести с кем-нибудь разговор, но, похоже, все пре-весело проводили время и без моей компании. Хорошо пошитым костюмом тут никого было не удивить, мода на шейные платки, завязанные бантом, наверное, пришла сюда еще до того, как попала в журналы. Никто не маялся в одиночестве, у каждого была компания – семья или приятели, так что мне оставалось только любоваться освещением (действительно газовым) и вышколенными слугами, стоявшими в каждом зале, будто манекены. Некоторые держали в руках подносы, на которых стояли бокалы с шампанским. Я не преминул этим воспользоваться. Учителя вечно следили, чтобы мы не выпили лишнего, а тут я был сам по себе, поэтому залпом выпил два бокала, чтобы поднять боевой дух.

Хандру и правда как рукой сняло. Я отправился в балльный зал и подошел к группе, состоящей из женщины и трех прелестно одетых девушек, рассудив, что при таком обилии дочерей дама отпустит одну из них потанцевать даже с тем, кто формально ей не представлен.

– Здравствуйте, – храбро начал я. – Прекрасный вечер, вы не находите? Я – граф Гленгалл.

Я поцеловал руку дамы, уже сообразив, что от моего появления она не в восторге.

– Герцогиня Сазерленд, – сухо представилась она.

Ох, слишком высокий титул: она наверняка пришла сюда ловить рыб покрупнее. Но я не сдавался.

– Кажется, объявляли кадрили. Разрешите... – Я обернулся к дочерям, но даже не успел спросить их имена, а дама уже ответила:

– Они уже обещали кадрили другим кавалерам. Но вы можете позже справиться у меня, вдруг какой-то из их танцев окажется свободен.

Будь мы где-нибудь в ирландских трущобах, она сформулировала бы это проще: «Идите прочь и к нам больше не лезьте, низкородный вы болван».

– Почту за честь увидеться с вами позже, – смиренно ответил я и с поклоном отошел, кинув на дочерей прощальный нежный взгляд: вдруг они уже влюбились в меня без памяти?

Нет, похоже, не влюбились. Взгляды их были холодны, как у их матери, и на одну ужасную секунду я усомнился в своем обаянии, но тут же повеселел снова. На сельских балах я пользовался успехом, значит, и тут успех не за горами.

Следующие полчаса я кружил по залам, как хищная рыба, выбирая себе жертву попроще. Удача улыбнулась мне в виде скучающей молодой вдовы – платье черное, спутника нет, но на руке обручальное кольцо.

– Разрешите предложить вам шампанского? Оно с севера Италии, я в этом разбираюсь.

– В самом деле? – без интереса спросила она.

– О да! Везде узнаю эти нотки вяленой груши и свежеско-

шенной травы.

Ха, этот трюк я сам изобрел! Я не имел ни малейшего представления, из каких бутылок разливали напитки слуги графа. Но с деревенским пуншем этот фокус работал, сработает и здесь: просто называешь, что в голову придет, и люди соглашаются, потому что знают об этом еще меньше тебя. Я принес вдове бокал, она пригубила и устало воззрилась на меня.

– Оно явно французское. Груши нет, нотки скорее земляничные.

Я виновато развел руками. Меня никогда еще не разоблачали. Ну и ладно, главное – хоть с кем-то завел беседу. Вдова допила шампанское, и я уже собирался предложить еще, но она вложила мне в руку пустой бокал и двинулась к выходу из комнаты.

– Прошу меня простить, – чинно сказала она на ходу. – Хорошего вечера.

В переводе на язык простонародья это тоже было что-то вроде «Проваливай, не интересуешь». Я приуныл, но все же решился догнать ее и кое-что спросить.

– А где же хозяин дома? Помню его с детства: отец с ним не то чтобы дружил, но до смерти матери мы иногда бывали на его прекрасных вечерах. – Я картинно огляделся. – Неужто он так изменился, что я его не узнал?

– О нет, все так же хорош. – Она пожала своими царственными плечами. – Но таков уж он: устраивает чудесные ве-

чера, а сам в последнее время на них показывается редко. Пресыщен празднествами и всеобщим вниманием, надо полагать.

Моя решимость познакомиться с хозяином только окрепла – это каким же титаном духа надо быть, чтобы пресытиться подобными вещами?! И зачем так тратиться, если это не радует? Вдова удалилась, а я, ведомый отчаянием от своего светского провала, решил непременно отыскать хозяина.

И я пошел бродить по дому, прихватив по пути вкуснейшую тарталетку с паштетом. Во всех комнатах царило веселье – люди беседовали, хохотали, пили шампанское, а за одной из портьер я обнаружил парочку, слившуюся в поцелуе. Я выскочил из той комнаты пулей – никогда еще не видел, как люди целуются, выглядело это так себе. Красный как свекла я продолжил слоняться – и вдруг увидел его.

Никогда не забуду этот момент. В огромном доме праздник, повсюду экзотические цветы в вазах, изысканные наряды, блюда и напитки, а он стоит на узком каменном балкончике, за развевающейся шторой, и смотрит в сад. Сначала я заметил просто фигуру в темном костюме и подумал: «Кто это там мерзнет без пальто?»

Вышел на балкон – и сразу его узнал. Граф Ньютаун, каким я его помнил с детства, а может, еще лучше. Седина ему очень шла, годы не сделали его ни морщинистым, ни толстым, – высокий джентльмен с офицерской выправкой, профиль – как на римской монете. Я немедленно решил, что,

когда доживу до его преклонного возраста (то есть лет, наверное, до шестидесяти), – хочу быть таким, как он. Граф глядел в темный сад, иногда отпивая из стакана виски, шикарный и меланхоличный, как Байрон.

При моем появлении граф даже бровью не повел, – наверное, думал, что я пойму свою оплошность и оставлю его в покое.

– Граф Ньютаун, – выдохнул я. Он глянул на меня пустым взглядом, будто мыслями был очень далеко, но я продолжил: – Я Джон, граф Гленгалл, вы утром прислали мне приглашение! Благодарю вас от всей души!

– О. – Он словно очнулся. – Да. Сын Джереми Гленгалла.

Смотрел он на меня так, будто писал свою утреннюю записку совсем в другом настроении, а теперь его раздражает, что какой-то румяный от шампанского хлыщ нарушает его уединение. Но мне море было по колено – я хотел подружиться.

– Отец много о вас рассказывал, – торопливо заговорил я, хотя ничего мой отец, конечно, не говорил. – Я счастлив здесь оказаться! У меня был такой невеселый день до того, как я сюда попал. Умер мой старый слуга. Кстати, ваши слуги просто великолепны! Не подскажите, как найти таких?

Я хотел и польстить ему, и вызвать сочувствие к своим неприятностям. Кажется, получилось: взгляд его прояснился, он повернулся ко мне и вполне искренне сказал:

– Звучит и правда весьма печально. Отчего же он умер?

– На лестнице оступился. Дом у нас старый, не то что ваш, – вздохнул я.

– Рад, что вы оценили. – Он улыбнулся, словно проснувшись. – Идемте, мой юный друг. Хотел бы я оказать вам моральную поддержку, но с моралью у меня дела плохи. Зато могу показать свою портретную галерею. Я имею в виду не лица гостей, а истинные произведения искусства. – Он перешел с балкона в зал и повел меня за собой, на ходу вложив пустой стакан в руку какой-то статуи. – Какая жалость, что ваш папенька так рано почил и не успел представить вас свету.

К моему мрачному крючконосому отцу прозвание «папенька» совсем не подходило, но я печально кивнул. Пусть видит, как я грущу. Его внимание льстило мне невероятно.

Граф показал мне картины (чудесные), вручил еще один бокал шампанского (возможно, лишний) и даже представил нескольким гостям (удивленным). Все, кого мы встречали, при виде графа почтительно склонялись – похоже, хозяин и правда нечасто показывался на своих же вечерах. Поспевать за ним было непросто, ходил он быстро, несмотря на возраст и легкую хромоту, которая даже шла ему, придавала военного шика – видимо, его ранили на ирландской войне. Я семенил следом, как верный щенок.

– Я даже завидую тому, как все это ново для вас, мой друг, – сказал он, невозмутимо пересекая бальный зал, где по-прежнему танцевали. – Кстати, наряд у вас замечатель-

ный, вы хорошо чувствуете моду. Вашему отцу повезло, что наследуете ему вы, а не Бенджамин.

– Правда? – растроганно спросил я, решив прощупать почву насчет того, что он думает обо всей этой истории. – Признаться, я... Я боялся осуждения, но кто виноват, что Бен...

– Конечно, вы не виноваты, – мягко перебил он. – Деньги нужны тем, кто умеет ими наслаждаться. Поверьте тому, кто все на свете повидал: лучшее, что есть в жизни, – это удовольствия и красота. Они тоже рано или поздно надоедают, но без них и жить не стоит. – Граф добродушно улыбнулся и остановился у выхода из зала. – Так что танцуйте, радуйтесь и забудьте о брате – у него был шанс, и он его упустил. Кстати, ровно через неделю, в пятницу, у меня ежегодный большой бал. Вы приглашены.

Я недоуменно уставился на десятки пар, кружащихся в быстром вальсе.

– Большой бал? – недоверчиво переспросил я. – А это тогда какой же?

– Обычный. – Он пожал плечами. – Каждую пятницу в любое время года. Придете еще?

– Я буду приходить каждую пятницу, – выпалил я, еле живой от счастья. – Можно, граф?

Он рассмеялся.

– Конечно. Вы еще полны сил для веселья, так что в моем доме – всегда желанный гость. Передам Роджеру, что вы

отныне всегда в списке. И зовите меня просто Гарольд, без церемоний. Приятного вечера, Джон.

С этими словами он выскользнул за дверь, оставив меня стоять посреди зала как громом пораженного. Я словно новыми глазами увидел все вокруг: зеркальные стены, поразительной красоты камин, старинные золотые часы в виде оленя. Красота – вот он, смысл жизни, и граф умел окружить себя ею, как никто другой. О, ну почему мой отец был совсем на него не похож!

Именно так я и буду жить отныне. Красота и наслаждения будут со мной повсюду. В отличие от графа я молод, так когда же пользоваться всем этим, если не сейчас?

Магия хозяйского покровительства сработала немедленно – все видели меня с графом, и за следующие полчаса я стал занятым человеком. На выходные три семейства пригласили меня выпить чаю, в понедельник я собирался поиграть в вист с новыми приятелями, вторник посвятить верховой езде (та самая герцогиня, которая была так нелюбезна со мной, нежно прошебетала, что все ее дочери – искусные наездницы и будут рады компании), в среду – опять чай, на четверг намечалось заседание клуба, в который я намеревался вступить, а пятницы я собирался отныне проводить у графа Ньютауна – нет, нет, у Гарольда!

Разошлись мы далеко за полночь. Я так увлеченно прощался с новыми приятелями, что едва не забыл пальто, – к счастью, меня нагнал давешний Роджер и почтительно подал

одежду. В каждом его движении ощущалось, что он тоже заметил перемену в расстановке сил и больше донимать меня не будет, а впустит как дорогого гостя.

Мои новые друзья наперебой предлагали подвезти меня до дома в своих экипажах, но я важно сказал, что прогуляюсь, поскольку живу совсем недалеко (пусть знают, что у меня особняк прямо в центре). В доме графа дышать было тяжело, видимо, из-за газового освещения, а ночной воздух чудесно освежал. И все же о своем решении идти пешком я вскоре пожалел – ночной Лондон оказался опасным местечком.

Фонари уже погасли, и вдоль зданий, едва различимые в свете луны, скользили бедно одетые люди, оглядываясь по сторонам, – видимо, размышляли, кого бы ограбить. Парочка таких личностей явно решила не терять меня из виду. Я успел порядочно струхнуть, но тут из-за поворота вырулил молодой человек очень малого роста, в форменной одежде, сидевшей на нем, как мешок, и в шапке с козырьком, твердой и высокой, будто он прятал в ней чайник. Я не выдержал и засмеялся – после шампанского мне все было очень смешно.

– Не бродили бы вы пешком по ночам, сэр, – сказал коротышка без особого почтения.

– Почему это? – гордо спросил я, стараясь скрыть, что до его появления дрожал как заяц. – Вы вообще кто?

– Я полицейский.

О, так вот как они выглядят! Раньше я только слышал об

их существовании, но лично не встречал.

– И что? Вы плохо делаете свою работу? – поинтересовался я.

– Весьма хорошо, – ответил он. – Иначе, боюсь, вы бы уже шли домой без сюртука и сапог. Или, того хуже, лежали бы тут с проломленной головой, сэр.

– И такое бывает?!

– Куда чаще, чем нам хотелось бы. – Он серьезно уставился на меня. – Будьте осторожны, пожалуйста.

– Я мгу за сбя постоять! – заявил я. – Доброй ночи.

– Доброй ночи, сэр. Надеюсь, ваши слуги запирают на ночь двери, грабежи случаются и в домах.

С этими словами он зашагал по пустой улице дальше и скоро растворился во тьме. Только тут я заметил, что при его появлении опасные фигуры немедленно скрылись из виду. Больше я никого не встретил, но до дому шел, не сбавляя шагу.

Старики, конечно, уже спали, хотя достойные слуги дождались бы возвращения хозяина, чтобы помочь ему раздеться. Входная дверь подалась легко – надо же, они и правда не запирали ее на ночь. В кромешной тьме я добрал до своей комнаты и собирался уже позвонить в звонок, чтобы как следует поскандалить, но потом решил, что ждать, пока они поднимут свои древние кости с кроватей, себе дороже, и просто рухнул в постель, не раздеваясь. Сон окутал меня сразу же, я даже обувь с ног скинуть не успел.

Проснулся я куда скорее, чем собирался. Было еще тем-

но, я поерзал, устраиваясь поуютнее, и снова услышал звук, который разбудил меня: скрип половиц.

Кто-то тихонько бродил прямо у меня над головой, на третьем этаже. Там располагались гостевые комнаты, уже лет сто не видевшие гостей. Слуги по дому ночью не бродят, тем более на господских этажах. Тут я испугался – наш дом всегда выглядел так, будто в нем должны водиться призраки. Чему удивляться, если они наконец дали о себе знать?

Но потом я все понял и разозлился так, что немедленно вскочил. Это точно был Бен. Какая наглость – явиться среди ночи! Я сразу догадался, чего он ищет. У нашего отца была привычка прятать деньги и ценности в сотне разных местечек, про которые он и сам частенько забывал. Если бы воры однажды влезли к нему, им пришлось бы серьезно поломать голову, чтобы найти хоть монетку. До смерти мамы отец иногда устраивал для нас с Беном игру в охотников за сокровищами: прятал какое-нибудь лакомство и давал подсказки, как его найти. Бен всегда выигрывал – он был старше и умнее. Находил сладость и торопливо съедал ее сам, никогда со мной не делился. Я плакал, а отец назидательно говорил: «Лить слезы можно только в одиночестве, чтобы их никто не видел».

И вот сейчас все было ясно. Бен сбежал и залег на дно, а теперь у него закончились деньги, и он явился в отчий дом. Не для того, чтобы поговорить со мной, нет! Наш чемпион по поиску сокровищ решил обчистить какие-нибудь отцов-

ские тайники с деньгами, которых глупый Джонни, конечно же, не нашел.

Согласно моим жизненным принципам, нужно было поступить так: заснуть обратно, не обращая внимания на шаги и легкое постукивание выдвигаемых ящичков, а с утра приказать сменить замки на парадной двери, черном ходе и воротах. И следить, чтобы слуги, мои новые, молодые и расторопные слуги, всегда запирали каждый из них. А потом радостно представлять себе лицо Бена, когда он снова явится в ночи и обнаружит, что братец его обхитрил.

Но шампанское еще из меня не выветрилось, а обида на Бена жгла до такой степени, что я плюнул на собственные планы и вскочил. Дрожащей от злости рукой попытался зажечь свечу, не преуспел и вышел из комнаты без нее – ничего, в своем доме не потеряюсь. Хоть одеваться не пришлось, я был при параде еще с вечера.

Я крался, как тигр, и лестница наверх, к счастью, даже не скрипнула. Звуки раздавались из синей гостевой спальни – самой тесной, предназначенной для не очень-то дорогих гостей. Я подкрался к распахнутой двери, за которой слабо трепетало пламя свечи, и загородил собой проем.

– Попался! – гаркнул я, чтобы напугать его как следует.

Свечу он сразу задул, и в небольшой комнате стало темно. Мы смотрели друг на друга сквозь тьму. Я не видел лица, не видел даже очертаний фигуры, но взгляд чувствовал каждой клеткой тела. Мне вдруг стало страшно – он молчал,

будто размышлял о чем-то, а потом сделал какое-то движение, и меня вдруг ударило по голове что-то тяжелое. Я был так ошарашен, что даже не вскрикнул, просто схватился за висок. Предмет, которым швырнул в меня Бен, тяжело брякнулся на пол, и я с ненужной точностью определил: это чугунные щипцы для углей, всегда стоящие у любого камина. Я держался за голову, испуганный, как ребенок. Бен никогда не был способен на членовредительство, но вот, пожалуйста! Что, если он правда сошел с ума?

Нужно было бежать, кричать, делать что угодно, но я потерялся до слез и даже не отшатнулся, когда он приблизился. А он, невидимый во тьме, поднял с пола щипцы, схватил меня за волосы и с размаху еще раз треснул чугунными щипцами в висок.

Вот тут я наконец вскрикнул, но тихо, придушенно, как котенок. Боль вспыхнула в голове с такой силой, что я осел на пол, а Бен перешагнул через меня и вышел из спальни.

Я завыл, обхватив голову. Пальцы были горячими и скользкими, висок горел. Меня никогда не били, сам я тоже ни разу сильно не ушибался и был потрясен тем, как ужасно чувствуешь себя, когда что-то болит.

Из трясины ужаса меня вытащил звук открываемых ящиков, донесшийся из соседней спальни. Бен как ни в чем не бывало продолжал обыскивать дом. Кажется, он ударил меня, просто чтобы я не мешал ему выйти из комнаты и продолжить поиски. Я сидел на полу, обморочно прислонив-

шись к косяку, и ждал, когда Бен одумается, бросится ко мне и поможет встать, но он продолжал шуршать во тьме.

– Эй, – растерянно засипел я, держа голову, будто она могла отвалиться в любой момент. – Эй. По... Помоги.

Наверное, он слышал меня, нас разделял всего лишь узкий коридор, но даже не обернулся. Я хотел поползти к нему, но только завалился набок. Упал я неудачно, на раненый висок, и от боли заплакал, барахтаясь на полу.

– По...моги, – выдавил я из последних сил, задыхаясь от шума и тяжести в голове. – Мне... мне больно.

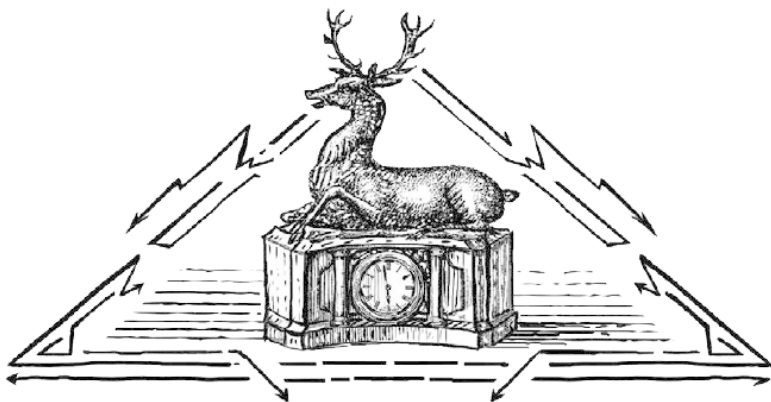
Ответом было шуршание ткани: кажется, вор рылся в шкафу с одеждой. Мне казалось, что я кричу, но, наверное, крик был только в моей голове и не просачивался наружу. Все затихало, отдалялось, немели ноги и руки, даже невыносимая боль в голове притупилась и теперь казалась почти убаюкивающей.

И тогда я почувствовал покой. Глубокий и безмятежный, как в детстве, когда мама укладывала меня спать и я знал, что ничего плохого никогда не случится. Этот покой сомкнулся вокруг меня, как любящие руки. Потом настала тишина.

Глава 3

Офелия

Через какое-то время все прояснилось. В буквальном смысле.

Я ощутил болезненно резкий свет. Про ад часто говорят, что там темно и жарко, а тут было ярко и холодно, и все же я с какой-то покорной обреченностью понял, что вряд ли нахожусь в обители праведных. Мне было страшно и одиноко, голова больше не болела, но ничего приятного в этом не было: я просто не чувствовал тела, словно оно превратилось в невесомую отмершую оболочку для моего страдающего духа, который так грубо вырвали из спокойного сна. Я попы-

тался открыть глаза. Получилось не сразу, их будто слоем глины залепило.

Мне привиделся Бен, мой старший брат. Он выглядел куда хуже, чем в моих воспоминаниях: до синевы бледный, под глазами – круги, неизменное пенсне на носу покосилось. Я всхлипнул и потянулся к нему, но руки не двигались, что-то удерживало их на месте. «Что ты здесь делаешь? Неужели все-таки сжег свое жилище? – хотелось мне спросить. – Как я рад тебя видеть, не уходи! Обнимемся и будем сидеть рядом, пока папа не придет и не заберет нас отсюда». Но изо рта вырвался только слабый хрип.

Глаза Бена за стеклышками округлились.

– Я просто гений! – воскликнул он со своей вечной интонацией невыносимого умника. – Джонни, слышишь меня? Джонни!

– Не называй меня так, – сказал я.

Точнее, сказал я это у себя в голове. Наружу просочилось жалкое «Ннвааайк» и кашляющее шипение, которое меня самого перепугало. Но орать Бен все-таки прекратил и водушевленно уставился на меня. И тут я с ужасом вспомнил последнее, что со мной произошло. Шаги в темноте, звук выдвигаемых ящиков.

– Ттты мяя убл? – задал я самый главный вопрос. – Ты за эт в аду?

Бен удивленно замер, а потом расхохотался.

– Ох, Джонни. Мы не на том свете, болван ты этакий.

Оглядишься, я же вижу, глаза у тебя работают!

Я попытался повернуть голову. Все вокруг заливал яркий режущий свет, но за пределами освещенного круга угадывалась комната вполне человеческой архитектуры. Вряд ли на том свете все было бы так убого обставлено: некрашенные деревянные стены, в которые кое-где вбиты гвозди, на гвоздях – рыболовные сети и почему-то весло.

– Поразительно! – продолжал надрываться Бен. – Голова двигается, значит, мышцы шеи не порваны, несмотря на травму!

Меня захлестнуло облегчение – я жив. Помещение, конечно, не похоже на больницу, и это меня немного встревожило, но в целом какая разница? Я жив! Во рту было сухо, сердце билось очень странно: медленно, с натугой, как будто я глубоко под водой и оно вот-вот остановится. И все же, какое счастье! Мне захотелось заплакать, но почему-то не получилось. Желание рождалось в голове, а глаза на него не отзывались. Я отчаянно заморгал.

– Джонни, ты просто чудо, – замороженно продолжал Бен. – Моргание – сложная функция, но ты и ее сохранил! Я все, все запишу, но позже. Пока хочу просто насладиться триумфом, потому что главное чудо тут все-таки я. Гений века, дамы и господа!

Пока он бормотал, я осмотрелся получше. Никаких дам и господ вокруг не было, зато стало ясно, что в остром слепящем свете нет ничего потустороннего: мне прямо в лицо

сиял фонарь.

– Да, да, шея великолепна. Теперь проверим руки. – Бен склонился надо мной и чем-то защелкал. – Готово! Попробуй-ка ими подвигать.

Я послушно поднял руки – теперь их ничто не удерживало. Донес до лица и...

– Шш-ш-ш!.. – Я закашлялся, пытаюсь сказать хоть слово. – Шшто сс-с-со мм-м-м-м-м-м...

– Давай-давай, старайся. Без крови мышцы плохо слушаются, мышцы гортани в том числе, но речевой аппарат привькнет.

Слова доходили до меня с трудом – я потрясенно таращился на свою руку. Землисто-серую, с синими ногтями, страшную, как лапа дохлой курицы. Я разглядел ее со всех сторон, вызвав у Бена очередной приступ неуместного восхищения.

– Ну, как тебе? Отличная подвижная рука, даже пальцы гнутся! Оцени!

Я в ужасе глянул на Бена. Он, похоже, наслаждался каждой секундой нашего разговора. Когда я попытался сесть, он меня не остановил, никаких «Лежи-лежи, доктор пока не разрешил тебе вставать». Наоборот, засуетился, опять защелкал, и вокруг моего тела разжались тиски, удерживавшие его на месте. Мне удалось сесть, спустив ноги с поверхности, на которой я лежал, – железной, похожей на узкий стол. Но оказалось, что пол очень далеко, и, вместо того, чтобы

встать, покинуть это негостеприимное место и отправиться на поиски врачей, я уставился на свои ноги.

Они оказались ничем не лучше, чем руки. Жуткие, синеватые, какие-то мертвые на вид. Меня дрожь пробрала. Ну, почти. Я мысленно ощутил ее, но тело снова ничего не почувствовало. Потом я поднял глаза выше, к животу, и завыл со страху. Я был совершенно голый, даже без рубашки, и благодаря этому смог как следует оценить свое плачевное состояние.

Ровно посередине моего туловища, от живота вверх, шел жуткий шрам, грубо зашитый толстыми черными нитками. От ужаса у меня все мысли будто заledenели. Что это такое? Это не мое тело! Безжизненное, серое, ни проблеска розовато-бежевого цвета нормальной кожи. Да, конечно, я болен, но не до такой же степени!

В сгибы моих локтей и в бедра были воткнуты иголки, от них тянулись трубки к прозрачным емкостям. И хуже всего было то, что я не чувствовал ни этих иголок, ни свежего шрама: судя по виду, все это должно было отчаянно болеть, но боль отсутствовала. Я потрясенно коснулся пальцами шрама, нажал сильнее – никаких тактильных ощущений, будто трогаешь чужое тело.

– Не чувссссст! – простонал я.

– Да, с осязанием может быть не очень хорошо, – закивал Бен и поправил пенсне. – Нервные связи уже не те, что прежде, чего ты хочешь. Еще, как мне пока что удалось уста-

новить, сильно страдают обоняние и вкусовые рецепторы. Вот, держи. Чем пахнет?

Он подставил мне под нос какую-то склянку. Она совершенно ничем не пахла.

– Не морщишься, хм-м, плохо. Это нашатырный спирт, очень вонючий, аж глаза слезятся. Ну, у тех, у кого работают слезные протоки. – Он закрутил склянку. – Та-ак. Теперь проверим, что со вкусовыми рецепторами. Глаза закрой, рот открой.

Я замотал головой. Мне было страшно до одури.

– Ну же, Джонни. Прояви хоть немного благодарности и помоги науке!

Наверное, так чувствуют себя дети, когда их собираются выпороть. Ты слишком маленький и беспомощный, чтобы возражать, с тобой все равно сделают то, что посчитают нужным. Я закрыл глаза и приоткрыл рот. Бен вложил мне в рот что-то, похожее на кусок картона.

– Кстати, язык у тебя черный, – светским тоном сообщил Бен. – Не пугайся, если увидишь. Ты, видимо, прикусил его после удара, тут уж ничего не сделать. Ну как, узнаешь вкус?

Но я не узнал, даже когда по его указаниям захлопнул рот и пожевал. Бен торжественно извлек картон из моего рта и показал мне. Это оказался ломтик лимона.

– Итак, вкус и обоняние утеряны. Ну и ладно. Зрение, слух и речь сохранены, уже неплохо, а? – Бен ловко вытащил из моих вен иголки и промокнул тряпкой выступившую на ме-

сте уколов прозрачную жидкость. – Теперь пройдишь.

Я покорно вцепился в край стола, на котором лежал, и сполз, кое-как нащупав ногами пол.

– Вперед, – скомандовал Бен. – Вес тела может ощущаться странно, ты теперь легче.

Я отцепился от края, пошатнулся, но успел выставить ногу вперед и нелепо замер. Потом осторожно шагнул.

– Bravo! – воскликнул Бен. – Bravo мне. А ты старайся дальше.

Балансируя руками, я сделал еще один шаг, и еще, и еще. «Что со мной? – думал я, как заведенный. – Что со мной такое?»

Силы скоро закончились, и я устало замер. Обычно босыми ногами всегда можно определить, по какой поверхности идешь, но я осознал, что пол подо мной деревянный, только когда глянул вниз. Ступни не чувствовали ничего, но одно ощущение мне все-таки осталось: мучительный холод во всем теле. Я с трудом обнял себя за плечи, и Бен понял мой жест верно.

– Ну, тут уж ничего не поделать. Ты холодный, как замороженная рыба. Но то, что ты сохранил субъективное ощущение холода, интересно. Я обязательно это запишу.

Я продолжал смотреть на свои ноги. Кажется, даже у стариков они выглядят лучше.

– Шш-ш-што со мной? – хрипло спросил я.

От моего вопроса Бен растерялся.

– Ты не помнишь? Странно, я был уверен, что люди, умирая, сознают, что происходит. Тебе сломали височную кость, Джонни. Она в нашей голове самая тонкая, потому такие удары чаще всего смертельны. И все же у тебя восхитительно крепкая голова – ткани мозга не повреждены, иначе мы бы с тобой сейчас не беседовали. Причиной смерти, насколько я могу судить, стало кровоизлияние и отек мозга, вызвавший критическое повышение внутричерепного давления. Оно, в свою очередь, вызвало гипоксию, то есть, простыми словами, недостаток кислорода для питания мозговых тканей. Тебе очень повезло: если бы сам мозг был задет, я не смог бы ничего сделать. Этот потрясающий орган еще слишком мало изучен.

Слова доносились до меня будто издалека. Уловил я только главное: Бен утверждал, что я умер. Что за глупость, я ведь двигаюсь, говорю, дышу!

– О, это моя работа, – с невероятной гордостью ответил Бен. – Я вернул тебя к жизни. Ну, насколько возможно. Вот над этим великим открытием я и работал, пока ты не отнял у меня наследство.

Он обвел широким жестом стол, на котором я только что лежал. Я посмотрел туда, и меня затошнило. Ну, затошнило бы, если бы могло. Это и правда был узкий железный стол, окруженный поблескивающими железными скобами, рычагами и запутанной системой тонких стеклянных трубок. Вместе все это напоминало огромную неуклюжую машину

со множеством деталей. Освещал ее ярчайший фонарь – как декорацию на сцене какого-то жуткого потустороннего театра.

– Эту лампу пару лет назад изобрел один шотландец. Прирученное электричество! – Бен подскочил к фонарю и нежно погладил подставку. – Удивительная, недавно открытая природная сила. Ты видел молнии? Вот, они – это электрический разряд. О, эти знания еще мир перевернут!

Он суетился вокруг своего чудовищного научного уголка, а я не мог вымолвить ни слова. Мне всем своим существом хотелось упасть в обморок, я стремился к этому каждой клеткой, но тело оставалось вялым, бесчувственным и совершенно на это не способным.

– ...Генератор, конечно, тоже электрический. И, увы, тоже не моей работы. Ими занимается один потрясающий ученый здесь, в Лондоне.

Тут я увидел то, чего не видел никогда: Бен раздумячился, глаза за стеклами засияли. Человеческими существами Бен не восхищался в принципе, так что столь невероятное зрелище слегка привело меня в чувство.

– Мое личное открытие в том, что я осознал, для чего еще может пригодиться столь великая сила! – продолжал заливаться Бен. – Если приложить электроды, вот эти шутики, к мертвому телу, оно дергается от разряда, представляешь? Я проводил опыты на мышках, увеличивал ток, пока однажды – вообрази, какое это было счастье! – не обнаружил, что...

Когда я заговорил, собственный голос донесся до меня, как со дна глубокой ямы.

– Ты убл мня, чтбы ожвить?

Бен прервал свою жуткую лекцию и раздраженно уставился на меня.

– Джонни, когда я вскрыл твой череп, то обнаружил там удивительную аномалию – мозг размером с грецкий орех. Я всегда подозревал что-то подобное, но тут убедился своими глазами. – Я продолжал сверлить его взглядом, и он устало спросил: – Ты серьезно считаешь, что я мог тебя убить? Кстати, если бы я это сделал, начал бы оживлять сразу же, а не когда ты уже окоченел.

– Окчнел?

– Именно. Я три дня назад пришел завтракать на кухню – старики меня подкармливали – и обнаружил, что у них там ужас и паника. Они нашли твое мертвое тело на третьем этаже. Видимо, к нам влезли грабители, а ты пытался им помешать – храбрость, совершенно тебе не свойственная! Я забрал тебя, сказал, что сам вызову похоронную службу, а у них уже багаж был собран: сказали, ты их накануне уволил. Я их отпустил с миром, отнес тебя сюда и приступил к работе. Мои научные интересы противоположны твоим обвинениям и состоят в том, чтобы оживлять, а не убивать. Я служу человечеству, смысл моего существования в том, чтобы раскрыть тайну самой жизни, ведь тогда людям больше не придется...

Его тираду прервал фонарь – внутри него что-то звякнуло и, похоже, сломалось. Свет начал медленно гаснуть, Бен со всех ног бросился к фонарю, но пол под ним уже немного обуглился. «Вот так, видимо, он и поджег дом», – заторможенно подумал я.

– Я правда мртвый? – тихо спросил я в наступившей полутьме.

– Ну, я бы поспорил об употреблении этого термина, – прокряхтел Бен и осторожно выключил фонарь полностью, обернув руку какой-то тряпкой. – Лично я считаю, что жизнь – это прежде всего жизнь мозга, а ее ты сохранил: личность, как я вижу, осталась нетронутой, и это потрясающее достижение!

Какое-то время слова доносились из абсолютной тьмы, потом Бен зажег свечу, не прекращая говорить ни на секунду.

– Майкл боялся, что, если у меня получится, оживленный будет бессмысленным ходячим мертвецом, а такой исход меня совершенно не устроил бы. Помнишь ирландскую сказку, которую рассказывал отец? Про Мерлина, подарившего девушке каменный трилистник, чтобы она могла оживить возлюбленного? Только один из листков возвращал жизнь, а остальные два – разум и душу, и это доказывает: даже в древние времена люди понимали, что жизнь без мозга – не жизнь. И с этой точки зрения могу с уверенностью заявить: ты жив! Внутренние органы, конечно, не все работают, но

они тебе уже и не потребуются. Они омываются раствором и как бы хранятся в нем от окисления. Есть и пить тебе не нужно, раствор работает в замкнутом цикле. Главное – я сохранил нервную систему, мозг и сердце! Череп тоже реконструировал, как мог. Мне кажется, весьма неплохо, с учетом... Ты вообще слушаешь меня?

Я не слушал: стоял и щупал свое лицо. Мне хотелось кричать.

– Ты всегда слишком беспокоился о своей внешности, – вздохнул Бен. – Утешай себя тем, что под землей ты определенно выглядел бы хуже. Но розоватый оттенок коже придает кровь – эта удивительная жидкость, настоящее чудо! – и без нее кожа просто белая. Увы, сохранить кровь мне еще ни разу не удалось. Она сворачивается, и приходится разбавлять ее особым питательным раствором, способным проводить электрические импульсы. Ну все, приляг обратно, для начала достаточно. Тебе пока нельзя так много двигаться.

Он приглашающе показал на железный стол, и в этот момент я понял, что способность дрожать, потеть и задыхаться – истинный дар небесный, которого я теперь лишен. Поэтому я выразил ужас единственным доступным мне способом: завыл.

– Прекрати, связки повредишь! Хватит портить мою работу!

Бен шагнул ближе, я отшатнулся, потерял равновесие и рухнул.

– Эт-то не я! – застонал я, беспомощно подергиваясь на полу.

По ощущениям, в горле и правда что-то натянулось до предела, вот-вот порвется, но я не мог молчать.

– Очень даже ты! Пожалуй, даже больше, чем в последние лет десять, когда ты свихнулся на том, чтобы нравиться богатым бездельникам. Умоляю, Джонни, не вой! Лучше бы спасибо сказал!

– Эт не ж-жизнь! Врни меня по-настоящему!

– Ой, ну извини! Прости, что не умею оживлять трупы свежими, прекрасными и такими же, как были! Это же так, чтоб тебя, просто! – Я продолжал хрипеть, и он глянул на меня сурово, как на расшалившегося ребенка. – Если бы мне хоть раз досталось тело сразу после смерти, думаю, у меня могло бы получиться, но так мне еще ни разу не везло. А ты вообще-то должен быть благодарен и за это! Я три дня не спал, я вернул тебе хоть такую жизнь, а ты...

– Хвтит! – яростно зашипел я. – Зткнись!

Бен посмотрел на меня с неожиданной обидой, но, к счастью, закрыл рот, и я воспользовался тишиной, чтобы кое-как подняться на ноги. В углу комнаты я заметил грудку одежды, среди которой зеленым пятном выделялся знакомый жилет.

Я добрал до своей одежды и начал одеваться. Пальцы не гнулись, так что о застегивании пуговиц речи не шло, но на силе ярости я ухитрился натянуть брюки, рубашку, жилет и

сюртук. Попробовал даже вдеть свои ужасные ноги в валяющиеся рядом ботинки, но они мне перестали подходить, оказались велики, и я бросил эту затею.

– О, ну что за красавец! – ядовито заметил Бен, сложив руки на груди. – Попробуй штаны застегнуть, проверим, как работает мелкая моторика.

– Пшел ты, – пропыхтел я и, как был, босиком и в расстегнутых штанах, направился к двери.

– Куда собрался?

– Дмой.

Я наконец понял, где нахожусь: в лодочном сарае около озера в нашем саду. Чокнутый братец скрывался все это время у меня под носом, даже территорию поместья не покидал!

– Кстати, это теперь мой дом, а не твой, – отрезал Бен. – Ты умер, Джонни. Я еще никому не говорил об этом, как-то времени не было, но когда скажу, все снова станет моим – фальшивые бумажки про мое сумасшествие никакой суд не примет. Ну должна же быть на свете справедливость! Ты бы все потратил на дурацкие развлечения, а так деньги послужат на благо человечеству.

Он зловеще улыбнулся, и меня захлестнула новая волна подозрений: что, если ударил меня все же он? Вернул себе титул и деньги, избавившись от меня.

– Тебе нельзя уходить, – серьезно прибавил Бен. – Оставайся, а? Поболтаем, как братья, покажу тебе свои изобретения, и...

Но я уже дернул на себя дверь, едва не упав от усилия, и побрел в темный сад. Ночной воздух, наверное, был чудесный и свежий, но я ничего не чувствовал.

– Джонни, стой! Вернись! – Я продолжал отупело двигать ногами, и Бен ледяным тоном бросил мне вслед: – А знаешь что? Катись, куда хочешь. Когда станет плохо, сам явишься.

– Нвлнуйся, не явльсь, – на ходу отрезал я.

Земля под ногами была черно-белой – где грязь, где подтаявший снег, – но мои голые ступни не чувствовали ни холода, ни воды. Вперед меня толкала надежда. Что, если это сон? Нужно просто лечь в постель, и тогда я проснусь. Ноги приходилось ставить очень точно – я боялся, что, если упаду, подняться не хватит сил.

– Быстро не ходи – оживленное тело совсем не то же самое, что живое, – мрачно посоветовал Бен, стоя в проеме двери. – Укачает и будет тошнить раствором. Придется срочно пополнять, а на тебя мне даже раствора жалко.

Он захлопнул дверь сарая, и все погрузилось во тьму, слабо подсвеченную луной. Я брел пьяной походкой, пытаюсь поставить ноги на землю, не промахиваясь, – не чувствовал поверхность. Руки бессильно болтались, голова не держалась прямо, шея ослабела, как у старика. Но темный силуэт дома уже маячил впереди. Это придавало мне сил и помогало упрямо шагать через луг. Только бы попасть туда, и все будет хорошо. Жизнь не могла поступить со мной так ужасно.

Но она, похоже, могла. Я понял это, когда упал, обо что-

то споткнувшись, и, в точности как предсказывал Бен, изо рта у меня выплеснулось немного прозрачной жидкости. Я завыл от отвращения, вытер рот и встал. Нет уж, ничто меня не остановит.

Дверь, к счастью, была не заперта. Я ввалился в темный холл и, постанывая от натуги, начал восхождение на второй этаж. Ноги не слушались, я хватался обеими руками за перила, как матросы на картинках хватаются за швартовочный трос. Потом испугался, что напугаю стариков до коллективного сердечного приступа, но в доме стояла гробовая тишина, – похоже, в моем сне слугам не было места.

Зато спальня выглядела прямо как настоящая, точно такая, какой я ее помнил. Всхлипывая от пережитого страха, я разрыл одеяла, рухнул в гостеприимные объятия постели и закрыл глаза.

Но сон не пришел. Я лежал и лежал, потом перевернулся на спину и уставился в темный потолок. Как же мне проснуться, если я не могу заснуть? Ущипнуть себя, чтобы разбудить, я не решился, – не хотелось трогать это жуткое тело. В углу комнаты стояло зеркало, перед которым я недавно одевался на бал, и я решил, что буду очень храбрым. Поднялся с кровати и подошел к нему.

И отшатнулся, как-то сразу поверив, что это не сон: я не смог бы выдумать такого кошмара. Поднял руку и коснулся уныло висящих волос, синих губ. Чуть приоткрыл рот и высунул кончик языка, но тут же убрал его обратно – и прав-

да черный. Кожа – бледно-серая, постаревшая, глаза – мутные. Искривленная, кособокая фигура, голова заваливается набок. Ничего страшнее я в жизни не видел.

Я бросился на третий этаж. Вполз туда, держась за перила, и кинулся в ту комнату, где... Где...

Синяя гостевая спальня, как и все прочие, была застлана ковром. Около двери на ковре обнаружилось темное пятно, уродливое, засохшее. Я с трудом опустился на колени рядом с ним – на то же место, куда сел тогда, оглушенный ударом. Из безжалостных глубин моей памяти всплыло воспоминание, что последним моим движением было падение вправо, тяжелое и бесконтрольное, как у неживого предмета. И теперь, упираясь слабыми руками в пол, я осторожно опустился вправо.

Жуткое пятно на ковре оказалось прямо у меня перед глазами. Оно расходилось в стороны от той точки, где приземлился мой висок, – и вот так, лежа на месте своего убийства, я наконец понял: все это – правда.

Я умер. Я мертвец. Бен с помощью демонической машины вернул меня, но не совсем. Нормальным, как прежде, мне не стать.

Какое-то время я лежал, таращась на тяжелые каминные щипцы, прислоненные к стене: кто-то заботливо поставил их, хотя раньше они наверняка лежали рядом со мной. Потом с истерическим бесстрашием, которого сам от себя не ожидал, я кое-как сел, выплюнув себе на рубашку еще

немного безвкусной жидкости, – расплата за резкую смену положения. Держась за косяк, встал с того места, которое, по всем законам природы, не должен был покинуть на своих ногах.

Я спустился к себе в комнату и следующие полчаса посвятил застегиванию пуговиц: на штанах, рубашке, жилете, сюртуке. Сколько на одежде пуговиц, начинаешь замечать только тогда, когда приходится справляться с ними негнушными, одеревеневшими пальцами. Неприятнее всего в этом, пожалуй, была необходимость все время смотреть на свои жуткие синие ногти. Первые пуговиц шесть я тихонечко выл, потом достиг таких глубин отчаяния, что умолк. Для того, что я собирался сделать, мне жизненно необходимо было иметь пристойный вид.

«Жизненно необходимо». Ха-ха.

Разделавшись с пуговицами, я нашел в гардеробной ботинки, которые раньше были мне малы. Теперь они оказались впору. Пришлось потратить немного сил на победу над носками, а еще – повязать шейный платок. Платок я выбрал белоснежный, под цвет лица. Ха, неплохое было бы надгробие: «Граф Гленгалл. Не терял остроумия даже после смерти».

К зеркалу я все-таки подошел, и в этот раз твердо выдержал вид того, что там предстало. Да, этот юноша мертв, зато одет, как подобает джентльмену. Цилиндр на голове, правда, не держался – там, куда меня ударили, голова деформи-

ровалась, и шляпа тут же упала, так что из дома я вышел с непокрытой головой.

Тот берег реки, что краешком попадал на нашу землю, был пологим, так что этот вариант я отмел. Хотелось эффектного прощального жеста, поэтому я вышел за ворота, прошагал с четверть мили по пустой улице и вышел к мостику через ту же реку, но выше по течению. В голове царила приятная пустота – мысли все равно уже не понадобятся и ни к чему не приведут.

Обычно здесь былолюдно, но сейчас даже фонари не горели, мост был мрачен и тих. То, что нужно. Я крепко взялся за перила моста и кое-как перевалил свое неуклюжее тело на другую сторону. Умостив пятки на узком выступе и сжав обеими руками перила, я выпрямился.

На меня накатило облегчение. Жизнь имеет смысл, когда полна удовольствий и красоты, а какой смысл в такой полужизни? Старик Маккеллан говорил, что меня любят таким, какой я есть, но вот уж глупость: таким монстром, как теперь, меня уж точно не полюбит никто и никогда. Прощай, мир. Ты меня отверг, теперь я тебя отвергаю.

И я разжал руки.

Удар о воду боли не принес, зато холода и влажности – хоть отбавляй. Я стоически болтался в воде и ждал, когда начну тонуть, но так и не начал. Вместо этого меня подхватило течение.

Тут я запаниковал. Бен же говорил, что мое тело стало лег-

че, ну почему я не догадался прихватить с собой какой-нибудь булыжник! Вода несла меня вдаль, перевернув на спину, и мне оставалось только смотреть в ночное небо, мучаясь от холода. Ладно, одежда рано или поздно намокнет и потянет меня за собой.

Но мой наряд был сшит из изумительно тонких тканей, которые, даже намокнув, веса прибавили несильно. Я зажмурился, чтобы наконец разрыдаться, но, конечно, мне не было оказано такой милости. Река, словно в насмешку, протащила меня мимо собственного особняка, потом – мимо темного лодочного сарая: похоже, неугомонный безумец Бен лег спать. Был соблазн позвать его и попросить кинуть мне булыжник. Но я гордо промолчал – никогда в жизни не попрошу его об услуге.

«Никогда в жизни», ха.

Постепенно богатые особняки вдоль реки сменились домишками похуже. Темза пересекала город с востока на запад, и к западу начинались бедные кварталы, в которых я не бывал.

В какой-то момент я заметил на берегу движение и понял, что на меня смотрит плохо одетый мужчина с бутылкой в руке. Видимо, забулдыга мирно выпивал, когда мимо него проплыло изысканно одетое тело джентльмена, укоризненно взирая на него, как кроткая Офелия, упавшая в поток. Он так смешно на меня тарашился, что я ему помахал. Эффект получился что надо: бедняга заорал и бросился вверх по бе-

регу с резвостью, которой я от пьяного не ожидал.

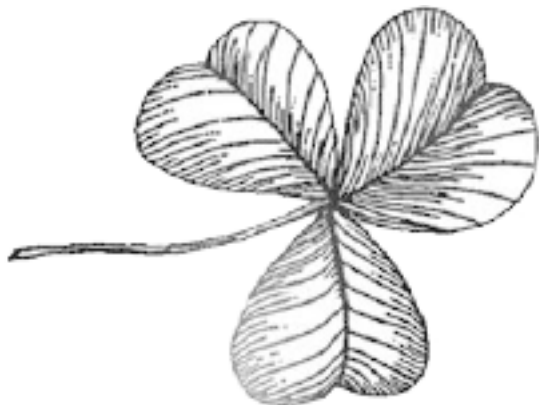
У меня в груди забулькало и захрипело. Я не сразу понял, что это, судя по всему, смех. Правда, рот я открыл зря – в него тут же попала вода, и я начал задыхаться. Кашлять с такой силой, как при жизни, у меня не получалось, вода продолжала булькать в легких, потом я случайно глотнул еще, и дело стало совсем плохо.

Как ни странно, умирать мне сразу расхотелось, вместо этого я отчаянно хрипел и отплеывался. Наверное, рано или поздно я бы все же утонул, но идея, которая в теории казалась привлекательной, при воплощении растеряла всю прелесть. Разве это смерть для джентльмена – болтаться в реке, пугая пьяниц?

Я замолотил руками по воде, пытаюсь плыть к берегу. Течение здесь было медленнее, и мне это удалось с легкостью, которой я не ожидал, – будто сама река хотела поскорее выпихнуть из себя мое отвратительное тело.

Выбравшись на сушу, я полежал в песке, откашливаясь. Потом встал и горестно поплелся вверх по берегу. Вот будет забавно, если тот пьяница сейчас пробежит мимо! Квартал вокруг был убогий, у воды валялся мусор, окна хибарок слепо тарасились в темноту. Больше всего мне хотелось чихнуть, но почему-то не получалось, – прямо-таки невыносимое чувство. Я печально плелся по улочке в тайной надежде, что от какой-нибудь крыши отвалится камень и положит конец моим страданиям. А если нет, буду бродить по городу

до рассвета, как призраки в романах.
Но долго бродить мне не пришлось.

Глава 4

Грешникам покоя нет

Крик был страшным – у меня кровь заледенела в жилах (точнее, заледенел мерзкий раствор Бена, но это звучит не так поэтично). Он донесся из узкого проулка, и за ним последовали другие звуки: возня, рычание, снова крик, потом кто-то бросился прочь по улице, не заметив меня. Но переулок не опустел – оттуда доносилось шипение, ругань и яростный шепот.

Потасовка грязных бедняков не имела ко мне отношения, и я уже ускорил шаг, чтобы пройти мимо, но звуки продолжались, жалобные и злые. В подворотню идти было страшно

до смерти («Граф Гленгалл, главный остроумец Британии, безвременно покинул нас дважды»), но я все равно пошел. Если меня там прикончат, это значительно облегчит мне задачу.

В переулке, прислонившись к стене, сидел человек и прижимал к боку ладонь. Увидев меня, он поднял голову и сбивчиво зачастил:

– Эй, сюда, эй, вы!

Похоже, это была женщина – одежда была длинной, на голове с трудом держалась шляпка. Вид у женщины был такой непрезентабельный, что мне стало противно. Неделю назад я ни за что не подошел бы ближе, презрительно фыркнул и мимо прошел, но с тех пор успел пережить такое, что никому еще, кажется, пережить не удавалось, и сейчас медлил. Женщина тем временем завалилась на бок, продолжая издавать жалостные звуки. Я подошел ближе.

Левый бок ее пальто был темным и мокрым – видимо, ее ударили ножом. Женщина прижимала к ране руки, но кровь толчками била между пальцев и все сильнее пропитывала ткань. «Кровь – это удивительная жидкость, настоящее чудо», – сказал Бен, и в своем плачевном положении я оценил это чудо, как никогда. Неприятно было смотреть, как удивительная жидкость покидает чье-то тело, так что я кое-как опустился рядом, заторможенно положил свои руки поверх рук женщины и нажал. Мои слабые, мертвые пальцы не особенно помогли, но я не знал, что еще делать. Было тихо,

только ветер катал мусор по мостовой.

– Не хочу, нет уж, я не помру, ясно? Не помру! – просто-напросто женщина с ужасным ирландским акцентом.

Голос был какой-то знакомый. Я глянул ей в лицо – и дернулся от неожиданности. Либо у всех ирландок одинаковые голос и внешность, либо это садовница леди Бланш. Что ей делать так далеко от нашего квартала? Может, она не работала там постоянно, ее наняли просто выкопать канавки в земле? Все эти суматошные мысли бились у меня в голове, пока я ошалело зажимал рану и слушал, как она ругается и стонет. Она, конечно, была не моего круга, но у нее было то, чего мне сейчас так не хватало, – жизнь. Губы и брови кривились, глаза мокро блестели, пальцы, которые я накрывал своей ладонью, цеплялись за пропитанное кровью пальто.

– Ты знаешь какого-нибудь врача? – просипел я, озираясь. От пребывания в холодной воде голос у меня сел окончательно. – Вставай. Пшли.

– Не знаю я никаких докторишек! – взвыла она. Я попытался ее поднять и тут же сел обратно: я и себя-то с трудом поднимал. – Хочу к своим, они мне помогут, ай, как же больно!

У нее хотя бы есть свои, к которым можно пойти, – большое достижение по сравнению со мной. Шатаясь, мы кое-как встали. Я понадеялся, что она знает, куда идти, и просто брел, обхватив ее за пояс так, чтобы зажимать рану. Чувствовать близость живого тела оказалось приятно. Пользы

от меня было немного, но она, кажется, этого не замечала и упорно ползла вперед, держась одной рукой за стену, а второй вцепившись мне в плечо.

– Мне надо к нему, надо предупредить, что кто-то нас предал, – лихорадочно бормотала она себе под нос. – Анна у нас швея, она и меня заштопает, надо только...

Она захрипела и остановилась. Ее губы продолжали шевелиться, но я не мог разобрать ни слова.

– Эт длеко? – прокряхтел я, клонясь под ее тяжестью. – Эй!

– Мне нужно домой, – внятно пробормотала она, цепляясь ногтями за стену.

«Мы туда и идем! Я бы отвел тебя к врачу, но не знаю ни одного. Так что держись, шагай и не вздумай умереть – смертей с меня хватит», – подумал я. Сил на то, чтобы высказать это вслух, у меня не было, я весь сосредоточился на попытке оторвать ее от стены. Меня посетило удивительное чувство – как будто моя ущербная посмертная жизнь обрела смысл хотя бы на ближайшие минут пятнадцать. Я смог протащить ирландку еще несколько шагов, потом она остановилась намертво, как упрямый осел, и всем телом прислонилась к стене.

– Нет, кажется, все. Какая же я дура, – еле слышно пролепетала она, глянув на меня. – Напиши моим родителям, приятель, напиши, что это ради них было. – Она всхлипнула. – А, нет, не пиши, они же читать не умеют!

Она мокро зашмыгала носом и хотела сказать что-то еще, но тут колени у нее подогнулись, и она рухнула на мостовую – тяжело, без предупреждения, так что я тоже потерял равновесие и растянулся рядом, выплюнув немного раствора.

– Вствай, – прорычал я, разозленный тем, что впустую потратил на нее столько усилий: опять придется поднимать.

Ее голова завалилась набок, пальцы еще раз проскребли по пальто, потом расслабились.

– Эй, – перепуганно захрипел я, но она не ответила. – Нет, нт!

Глаза, широко раскрытые, бессмысленно смотрели на меня. Вот только что ирландка была жива, а теперь ее нет. Простота этого перехода напугала меня так, что я отполз в сторону. Помочь ей было уже нечем, оставалось только ползти дальше по своим делам – словно они у меня были! Но я продолжал сидеть.

И тут на меня снизошла восхитительная, потрясающая идея. Я спасен. Судьба не зря послала мне эту встречу. Я спасен!

Бен сказал: «Если бы мне хоть раз досталось тело сразу после смерти, думаю, у меня могло бы получиться». Ирландка только что умерла. Если я сумею дотащить ее до Бена, может, ему удастся оживить ее по-настоящему? А когда он поймет, как это делается, то и меня сможет вернуть!

Эта мысль придала мне таких сил, что я смог встать. Мои ладони были в крови, и пару минут я провел, оттирая руки

краем мокрого шейного платка. Собственно говоря, я весь был мокрый после сплава по реке, но почти не замечал этого. Холоднее, чем раньше, мне уж точно не стало – ну, хоть какая-то приятная новость.

Еще недавно я твердо решил не видеть Бена больше никогда в жизни (и тем более после смерти), но теперь пришлось переменить планы. Правда, чтобы добраться до него, надо было решить два вопроса. Во-первых, где я? Во-вторых, как дотащить тело, если я сам еле иду? Можно было сходить за Беном, но я боялся, что не найду этот закоулок снова.

Ответ на первый вопрос нашелся довольно быстро: плыл я вниз по реке, значит, нужно идти вверх по течению, не теряя реку из виду, – она проглядывала между домами. Со второй проблемой оказалось сложнее: я подхватил тело под мышки, охнул и тут же выпустил. Какая тяжесть! От натуги в костях что-то пугающе хрустнуло. Нет уж, надо придумать способ получше.

Прощаясь со мной, директор пансиона выразил надежду, что школьные знания мне пригодятся, но бедняга вряд ли догадался бы, для чего именно. В частности, чем могут помочь слова старины Архимеда о том, что с помощью точки опоры он перевернет мир.

Ирландка была одета в старое мужское пальто. Я стащил его с нее и расстелил на земле. Перекатил на него тело, взялся за угол ткани и потащил. Пальцы не сгибались как следует, ткань выскальзывала, продвигался я со скоростью улитки, –

но бедняки даже не представляют, какую силу воли способны развить у знати годы жизни в холодных враждебных пансионах. Ради того, чтобы ожить и вернуться к нормальному существованию, я готов был на все.

Дома вокруг стали почище, и я уже обрадовался, что скоро моим мучениям придет конец, но тут произошло то, чего я опасался с самого начала. Послышался стук копыт, и на улицу, по которой я волок ирландку, вырулил экипаж. Видимо, подвозил какого-то ночного гуляку домой, а может, колесил по городу в поисках случайных пассажиров.

Я предпочел бы избежать лишнего внимания, но возница, похоже, не прочь был подработать – поравнявшись с нами, он остановил лошадей и учтиво снял шляпу.

– Я могу помочь, сэр? Эх вашу даму развезло – видать, веселый у вас был вечер!

Тусклый свет луны, оказал мне большую услугу.

– Перебрла с пуншем, – важно кивнул я, собрав все силы, чтобы говорить внятно.

«Доставьте нас в поместье графа Гленгалла. Граф – это я. У меня нет с собой денег, но, даю слово, я щедро оплачу ваши труды, когда доедем», – собирался сказать я, но на предыдущую фразу ушло столько сил, что пришлось ограничиться кратким:

– Синг-стрит, пть. Пят. Пять!

Возница с готовностью прыгнул с козел, чтобы помочь мне водрузить ирландку в экипаж, – и тут все испортили ло-

шади. Они были в шорах и видеть нас не могли, но животное чутье, видимо, подсказало им, что представляют из себя будущие пассажиры. Лошади захрапели, взбрыкнули и понесли. Возница едва успел запрыгнуть на козлы, почем свет потеря своих лошадок. Те останавливаться не желали, несмотря на кнут. Это что же мне теперь, на экипаже больше не проехаться? Ладно, зато я выяснил, что издали выгляжу не так уж плохо, меня даже готовы были подвезти. Я вздохнул, крепче схватился за угол пальто и заковылял дальше.

К тому моменту, как впереди показалась ограда поместья, я уже выбился из сил и, кажется, погнул все кости. Ворота были по-прежнему распахнуты. Я беспрепятственно вошел и потянул пальто через луг к сараю, скрытому в липовой роще.

– Бен, открывай! – застонал я, наконец-то бросив свою ношу на землю.

Ответа не последовало. Я испугался, что Бен куда-то ушел, и заколотил в дверь ладонями – сжать руки в кулак не получалось. Внутри наконец что-то брякнуло, и дверь распахнулась, явив моему взору зевающего помятого Бена. Кажется, он и правда спал в последние дни очень мало, вид у него был – краше в гроб кладут. Хотя нет, все-таки не краше, в этом я на себе убедился.

– Чего тебе? – пробормотал он. – Как-то ты перекосялся и... Ты что, ванну в одежде принимал?

Тут он увидел тело, лежащее рядом со мной, охнул и бро-

сился к нему, но я заступил ему дорогу.

– Она умр... умерла плчса назад, не бльше. Ожвишь ее по-настоящему, а потом – мя. Ясн?

– Наука не может давать таких точных обещаний. – Бен потрясенно глянул на ирландку. – Но не будем терять времени.

Он подхватил тело на руки и понес в сарай. Я зашел следом, содрогнувшись от знакомой жуткой обстановки, и опустился на какой-то перевернутый ящик. Бен положил тело на стол и зажег свою невыносимо яркую лампу – значит, как-то ухитрился ее починить. Я закрыл глаза.

– Признаться, я потрясен, – сказал Бен, продолжая греметь чем-то железным. – Убить какую-то несчастную ради надежды ожить самому! Ты такой эгоист!

– Что? – Я распахнул глаза и тут же закрыл их обратно, чтобы не смотреть на стол, где Бен зажимал скобы на руках и ногах ирландки. – Я?! Эт не я! Нт!

– Ну способен же ты лишить брата законного наследства, чтобы прибрать титул и денежки к рукам.

– Эт не одно и то же! Мне попросили!

– О, попросил наш управляющий? Пройдоха, который решил, что удобно будет продолжать обирать наше поместье, если передать его тебе?

– Ты пдж-жег дом.

– Не специально! Случилось замыкание, искры попали на ковер, а я спал, и... – Он длинно выдохнул. – Ладно, я не

злопамятный. Ты серьезно не убивал ее?

– Клянусь.

– Ну, предположим, – недоверчиво протянул Бен и вдруг посмотрел на меня вполне добродушно. – Надеюсь, ты в кои-то веки не прикидываешься. Ладно, помоги мне, чего сидишь?

– Ни за что.

– Ты хочешь, чтобы она ожила, или нет? Лишние руки мне пригодятся. – Он хохотнул. – Даже такие кривые, как у тебя. Ну же, вставай. Принеси хоть немного пользы.

– Мня стошнит.

– В тебе нет ничего, кроме раствора. Я это переживу.

– Ты мрзкий, – простонал я, но все же встал. Чем быстрее пойдет дело, тем быстрее он и меня оживит. – Чго делать?

Под белесым светом лампы ирландка выглядела тихо и мирно. Grimаса отчаяния, которая была у нее на лице перед смертью, разгладилась. Она казалась почти красивой: юное, спокойное лицо.

– Надави на плечи как можно сильнее. Держи ее на месте, – скомандовал Бен и показал на пугающую трубку, из которой пучком торчали железные ниточки. – С помощью вот этого электрода я запускаю сердце. Обычно это финальная стадия работы: прикладываешь к груди и пускаешь разряд электричества. Каким-то образом работает! Думаю, я значительно опередил свое время. – Он любовно погладил жуткую машину. – Только умоляю, держи руки подальше от прово-

да. Ты еще мокрый, а вода отлично проводит электричество и может тебя прикончить.

Совсем за дурака он меня считает. Только что говорил, что электричество возвращает жизнь, а теперь, видите ли, может убить! Ерунда какая-то. Но руки я все же передвинул подальше.

Бен бесцеремонно расстегнул на ирландке рубашку. Я охнул, а он уже начал раскручивать ручку непонятного аппарата, к которому шел провод. Бен крутил все быстрее, и наконец внутри аппарата что-то затрещало. Бен быстро схватил провод и приложил к голой полоске кожи на груди ирландки.

Вот тут я понял, зачем он сказал мне держать крепко. Тело дернулось, я отпрянул, вскрикнул и тут же сорвал себе голос, а тело упало на стол, такое же неподвижное, как было.

– Я же сказал, держи! – взвыл Бен. – Что ты за ассистент?!

– Я тебе не ассистент! Она зшвлилась!

– Потому что я ударил ее током! – крикнул он и тут же успокоился. – Ладно, Джонни, нельзя требовать многого от человека с таким мозгом, как у тебя. Просто держи и не выпускай.

– Ты сам сказал, что мой мозг не пострадал, – огрызнулся я, изо всех сил прижимая ирландку к столу.

– Думаю, научное объяснение состоит в том, что там нечему было страдать.

Бен опять раскрутил ручку аппарата и приложил провод к коже. На этот раз я руки не разжал, хотя от страха мне

хотелось завуть. Тело выгнулось дугой, но больше ничего не произошло. На третий раз – то же самое. Бен устало отложил провод.

– Нет. У меня была теория, что воздействие электричества на тело сразу после смерти вызовет возобновление сердечных сокращений, но... То ли мы все равно упустили время, то ли генератор недостаточно мощный, то ли она потеряла слишком много крови. – Еще пару секунд он грустил, а потом глаза за стеклышками загорелись интересом. – Остается вернуть ее тем способом, который у меня уже получался. С твоей помощью все будет гораздо быстрее! И ты будешь сохраннее, если посидишь тут вместо того, чтобы где-то шляться.

Я открыл рот, чтобы возразить, но промолчал. В реке я чувствовал себя таким одиноким, и по сравнению с этим заниматься хоть каким-то делом в компании живого человека казалось неплохой идеей. К тому же Бен так забавно суетился и с такой гордостью бормотал о своем научном прорыве, что я сказал:

– Делаю тебе одолжение.

– Ну спасибо. Ты весь мокрый, переодеться не хочешь? Серьезно, зачем ты мылся? Ты не потеешь, тебе это больше не нужно.

Вот уж радость! Я вспомнил мучения с застегиванием пуговиц и помотал головой. Буду ходить мокрым. Надеюсь, простудой заболеть мне теперь не суждено.

Следующие несколько часов были, пожалуй, самыми интересными и самыми ужасными в моей жизни. Помощи от меня было немного – подавал Бену какие-то таинственные предметы, держал то или другое, несколько раз поправил ему пенсне, когда оно начало съезжать, а руки у него были заняты. И все же я был так сосредоточен, что печалиться стало некогда, особенно когда увидел, что представляет собой человеческое тело изнутри.

Неприкрытая правда жизни поразила меня в самое сердце. Мне должно было стать жутко, но в моем плачевном положении все эти неприглядного вида органы показались мне завораживающими. Как странно, что благодаря им человек ходит, чувствует, может, даже любит кого-то! Все органы были неподвижны, но, когда Бен с помощью каких-то устрашающих трубок тут и там влил в сосуды прозрачный раствор, разбавив тем самым кровь, внутреннее устройство тела стало выглядеть немного живее, словно увядающий сад, который полили.

Раньше мне казалось, что все, кроме аристократов, влачат жалкую жизнь, полную унылого плебейского труда, но тут я впервые подумал: врачом быть, наверное, приятно. Спасешь людям жизни, все тебе благодарны, да и на могильном камне, когда умрешь, есть что написать.

«Здесь покоится Джон Гленгалл, великий лекарь. Прожив всего семнадцать лет, он успел изобрести лекарства от самых разных смертельных болезней и покрыть себя вечной

славой». Я мечтательно вздохнул. Даже жаль стало, что я ничем особенным не занимался: вдруг во мне правда дремлет гениальный врач? Меня ведь не стошнило, когда Бен зашивал рану у ирландки на боку! Надо будет попробовать себя на этом поприще, когда оживу.

– Потрясающе сильные сосуды, – бормотал Бен, изучая какие-то мелкие ветвления в глубине тела. – Удивительный экземпляр! Какое варварство, что жизнь столь здорового организма прервали так рано. Люди – глупцы.

Я поправил ему пенсне, окончательно решив, что он меня убивать не стал бы. Бен аккуратно зашил тело, снова приведя его в пристойный вид, протер мокрой тряпкой и сказал:

– Ну все. У моего раствора очень высокая электропроводимость, с ним должно сработать.

Я поправил одежду на ирландке. Конечно, я только что видел в таких подробностях, в каких редко выпадает шанс, но это не отменяло того факта, что тело – тоже человек и не должно валяться в распахнутой одежде. Сказать по правде, до сих пор мне не доводилось видеть полуобнаженных девушек, но никакого приятного чувства, о котором пишут в романах, я не испытал. Лишаясь души, человек сразу теряет привлекательность и становится просто телом, требующим уважения.

– Оставь небольшой открытый участок кожи, – сказал Бен, косившийся на мои усилия со странным, почти одобрительным выражением. Затем, поколебавшись, вдруг протянул

мне провод. – Когда скажу, резко прикладывай. Только держи окончание провода как можно дальше от себя, ты пока мокрый.

Он еще ни разу не доверял мне сделать что-либо самому, и я почувствовал себя неуместно польщенным. Бен начал крутить ручку аппарата. Я, волнуясь, двумя руками сжал провод.

– Давай, – скомандовал Бен.

Я поспешно приложил конец провода к полосе бледной кожи – и своими глазами увидел чудо. Снаружи уже начало светать, первые лучи солнца проникали сквозь щели между досок, и в этом бледном свете тело, лежавшее на столе, резко дернулось и открыло глаза.

– С первого раза! – ахнул Бен. – Невероятно!

Ирландка вдохнула и мотнула головой. Бен бросился ко мне и обнял, заливаясь счастливым хохотом. Я крикнул от того, как хрустнули мои хрупкие кости, но тоже засмеялся вхохочущим хриплым смехом. Ощущение было потрясающее – словно это я вернул ее к жизни. Ничего настолько безумного и восхитительного я не делал еще никогда: она умерла на моих глазах, а теперь я этими же глазами видел, как она шевелится и моргает.

– С ума сойти, ничего не болит, – выдохнула она.

Бен широко улыбнулся.

– Вот такой реакции я, признаться, ждал и от тебя, – сказал он, воспаленными глазами уставившись на меня. – Мисс,

может, хоть вы скажете мне спасибо?

– Да от всей души благодарю!

Голос у нее был удивительно чистый, я даже позавидовал, – не хрипел, не срывался. О том, что она не очень-то жива, напоминала только синеватая бледность кожи, но приходилось признать, что даже тут простолюдинка меня обошла – вид ее был не так ужасен, как то, что я наблюдал в зеркале.

– Уж как я просила, чтобы мне дали одно дело закончить, прежде чем помру! – тихо проговорила она, глядя на нас. – И вот, исполнилось мое желание. Все, я пошла.

Она попыталась сесть, но скобы на руках и ногах ей помешали.

– Эй! – возмутилась она. – Сами вернули, так и выпускайте! Сколько у меня времени? Час?

– Не знаю точно, – пробормотал Бен, как-то стыдливо косясь на меня.

– Как это не знаете? Что вы за духи такие! В сказках, когда души мертвых из-за гробовой доски возвращают, всегда четко говорят: так и так, пока обратно не упокоился, времени у тебя столько-то.

– Я не дух, – строго ответил Бен. – Я ученый. И если вы не возражаете, хотел бы провести на вас несколько опытов, вы – совершенно уникальный экземпляр.

Ирландка растерянно уставилась на него.

– Я что, не призрак, посланный отомстить убийце и спасти от него людей?

– Нет, – твердо сказал Бен. – Вы, скорее, оживленное тело. Не знаю, сколько вы останетесь в таком состоянии, так что не будем терять времени.

Несколько секунд ирландка переваривала эти сведения, а потом завопила:

– Ты все-таки докторишка! А ну, отпусти меня! Щас заору так, что все прохожие сбегутся! Помогите! Эй!

Крикнуть громко у нее все-таки не получилось, голос сорвался, и она замолчала.

– Да псть идет, – пробормотал я, за мечтами о карьере врача уже забыв, ради чего все это затеял. – Зчем она тебе?

Бен холодно взглянул на меня.

– Если я правильно понял, ты хочешь вернуться к жизни, Джонни? Я над этим работаю. Главная проблема – это кровь, но я разрабатываю новый раствор, больше похожий на нее по составу. Мне нужно проверить реакции на него всех органов, и не в мертвом теле, а в хоть немного живом. – Он обвел рукой полки у дальней стены, которые были уставлены пугающего вида склянками. – Так что не мешай мне, а лучше помоги. Мы оказались не такой уж плохой командой.

– Выпускайте меня немедленно! – взревела ирландка.

Я заколебался, но мне все-таки очень хотелось ожить, а в том, что Бен – гений, я уже убедился. Посмотрев на ирландку, которая безуспешно пыталась выкрутить руки и ноги из железных тисков, я сказал:

– Гвори, что делать.

Глаза Бена просветлели, словно ему пришла какая-то блестящая идея.

– Для начала нужен генератор помощнее. Думаю, если сила разряда будет выше, мне удастся запустить тело по-настоящему. Мы обязаны проверить эту теорию!

– И? – осторожно спросил я, уже понимая, что продолжение мне вряд ли понравится.

– Нужная мне машина есть у одного человека. Он сам ее изобрел. Так что придется тебе... Ммм...

– Украсть ее?! Я – граф!

– Скорее, то, что от него осталось. И если ты хочешь снова стать графом, не имеющим синего оттенка, рекомендую мне помочь. Тем более ты оказался выдающимся тяжеловесом, раз уж дотащил сюда эту девицу. Я-то думал, ты будешь хрупким, как остальные, то есть, я хотел сказать, как... как... В общем, с небольшим аппаратом справишься. Кстати, украсть его получится только при благоприятных обстоятельствах. Если Майкл там, придется его уговаривать.

Только что он хотел, чтобы я сидел при нем, а теперь требует, чтобы я куда-то тащился. Я прищурился. Что-то Бен темнил.

– Почему сам не можешь?

– Ты, м-м, умеешь говорить с людьми. Этого не отнять. А я пока буду работать над раствором, который мог бы заменить кровь.

– О, тк ты прзнаешь, что хоть в чм-то я лучше тбя?

– Возможно, – нехотя сказал он.

Я торжествующе закричал и сам поморщился от этого звука.

– Сдлай чт-то с моим грлом, – прохрипел я. – Как мне уждать, кгда я не могу гворить?

– О да, – кивнул Бен. – Иди сюда, я вколю тебе раствор прямо в шею, так связки будут лучше увлажняться.

Звучало это весьма неприятно, но я покорно подошел и зажмурился. Бен поколдовал над моей шеей, и я оценил хоть какие-то достоинства своего положения – я вообще ничего не почувствовал. Когда он закончил, я прокашлялся – и почувствовал, что дышать стало легче. Сразу бы так!

– Ты улыбнулся, – с интересом сказал Бен. – Приятно, что ты сохранил эту функцию.

Я фыркнул, поправил воротничок и обычным своим, чистым голосом велел:

– Говори адрес.

Снаружи повсю сияло солнце. Мне не хотелось выяснять у зеркала, как я выгляжу при таком освещении и всех ли я румяней и белее (белее всех, это точно). Одежда всегда занимала важное место в моей жизни, вот и сейчас я сразу подумал о ней: нужно прихватить пару вещей, чтобы на улице на меня не глазели. Поэтому, выйдя из сарая, я направился не к воротам, а к дому. На этот раз идти было куда легче, чем прошлой ночью, – я уже обвыкся, понял, как ставить ноги, и хотя бы падать перестал.

Под ярким солнцем, солнцем живых, моя решимость взлетела до небес. Если, чтобы вернуть все как было, нужно выцганить у какого-то Майкла таинственный генератор, я это сделаю. Немедленно. С радостью.

Стараясь держаться как можно дальше от зеркала, я обыскал гардеробную – сначала свою, потом отца, – и выбрал из его вещей плащ с высоким воротом и огромный цилиндр с широкими полями. Все это было устаревшим и вопиюще немодным, будто я нарядился Байроном на маскарад, зато воротник и шляпа скрыли мое лицо, так что наружу торчал только нос.

Карту города мне тоже удалось отыскать, хоть и не с первой попытки. Повезло, что в нашем доме, похоже, ничего не выбрасывали, и любой хлам, однажды найдя себе местечко, оставался там навсегда. Прихватив несколько монеток, я торопливо заковылял к выходу – и остановился посреди лестницы, услышав звук.

На воротах, ведущих в сад, зазвенел колокольчик. Кто мог ко мне прийти? Управляющий? Я бросился к окну.

У ворот стоял граф Ньютаун. Высокий, прекрасно одетый, спина прямая, как палка. Он дергал и дергал за шнур звонка, оглашая сад мелодичным звяканьем. Слуги в таких случаях должны расторопно бежать через сад и отпирать ворота, но бежать было некому, и граф, вместо того чтобы уйти, на пробу толкнул решетку. Ворота распахнулись, и он, удивленно помедлив, зашагал к дому. Видимо, решил, что обитатели

оглохли и надо попытаться разбудить их звонком погромче, в дверь.

Я отпрянул от окна, чтобы он не увидел меня снизу. Что ему надо? Вдруг уже пятница, и он решил узнать, приду ли я на бал? Ладно, сейчас позвонит в дверь, ему не откроют, и он уйдет.

Но граф и в дверь звонил так упорно, что я вдруг подумал: а почему бы не открыть? Он ведь не знает, что со мной произошло, вон как благодушно названивает. Совру, что приболел. Он был так добр ко мне, вдруг снова проявит внимание?

«Не так уж я плохо выгляжу», – твердо сказал я себе. Как очень больной человек, но он ведь пожалел бы больного? Может, он даже скажет: «А знаете, Джон, приходите в любом случае. Я объясню всем, что с вами, и вас немедленно примут, ведь мое слово – закон».

Мне так сильно хотелось на бал, что я снял цилиндр и храбро распахнул дверь, стараясь держаться непринужденно. Граф замер с приоткрытым ртом. Потом краска отлила от его лица, он неловко шагнул назад – и загремел с крыльца на дорожку.

Крыльцо было, по счастью, невысоким, но я все равно охнул и бросился поднимать графа – немолодой все-таки, вдруг сломал себе что-то? Но тот пополз от меня прочь, скользя локтями по земле. Лицо у него было белое, словно он призрака увидел, из чего я сделал неутешительный вывод, что выгляжу все же скорее мертвым, чем больным. Мне ста-

ло грустно – друзей у меня больше в целом свете не было, и мысль о том, что Гарольд, ценитель красоты, теперь смотрит на меня как на что-то ужасное, очень задевала.

– Что, – пролепетал граф, – что? Не... Не... – Он захрипел – лоб мокрый, губы прыгают. Похоже, в его возрасте такие потрясения излишни. – Исчезни, – простонал он и зажмурился. Потом открыл глаза и вскрикнул: я, понятное дело, никуда не исчез.

– Не бойтесь. – Я постарался говорить спокойно и даже смог улыбнуться. – Я все объясню.

Но граф не стал дожидаться объяснений. Кое-как поднявшись на ноги, весь в грязи, спотыкающийся, перепуганный до смерти, он кинулся к воротам.

– Я не призрак! – отчаянно крикнул я ему вслед.

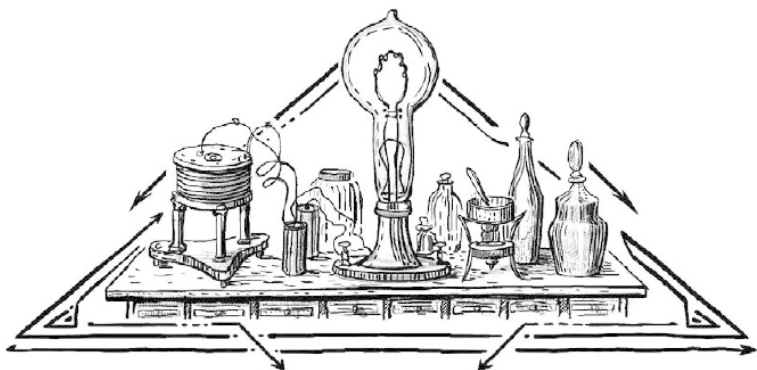
Горло таких усилий не выдержало, голос сел, и больше ни звука издать не получилось.

Граф вылетел за ворота и бросился прочь, а я без сил опустился на ступеньку. Надежда попасть на бал испарилась, в горле неприятно саднило, будто я что-то порвал. Может, вернуться к Бену, пусть посмотрит? Нет уж, надо как можно скорее исполнить его поручение. Я нахлобучил на голову цилиндр и встал. Если не смогу вернуть себе нормальный вид, жить мне незачем и голос уже все равно не понадобится.

Глава 5

Мерлин в Ирландии

Попытка доехать с комфортом закончилась так же, как в прошлый раз: экипаж охотно притормозил рядом со мной, но лошади мигом почуяли неладное и прибавили скорости, несмотря на кнут и возмущенные крики возницы. В каретном сарае у меня имелся собственный экипаж, но я понятия не имел, где взять лошадей и как заставить их двигаться без помощи кучера. Пришлось смириться с судьбой и идти по нужному адресу пешком. К счастью, судя по карте, идти было недалеко, а утренний Лондон деловито кипел, и никому не было дела до чужих неприятностей.

Королевский институт, куда меня отправил Бен, оказался невероятно красивым, я даже оробел. Я думал, изобретатели вроде Бена ютятся в тесных подвалах (или, скажем, в лодочных сараях), а это гигантское, на целый квартал, розовое здание с пышной белоснежной отделкой скорее напоминало торт с кремом.

«У Майкла собственная лаборатория при институте, – объяснил Бен. – До конца центрального коридора, потом налево, потом третий поворот направо и заходишь за стеклянную дверь».

К счастью, все вокруг были слишком заняты, чтобы ко мне присматриваться, а одет я был хоть и старомодно, но как джентльмен, а это открывает любые двери. Я прошел по нужному маршруту, скользнул за стеклянную дверь – и восхищенно вздохнул.

Сегодня я поучаствовал в оживлении человека, пусть и неполном, и оттого эстетика славно обустроенного научного уголка, которая не впечатлила бы меня в любой другой день, показалась весьма приятной глазу. Повсюду какие-то приборы, склянки, полки, уставленные диковинными штукавинами и блестящими инструментами.

«Ты ищешь медный диск, зажатый в подковообразном магните на деревянной подставке», – напутствовал меня Бен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.